

СМЕНА

23

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Синяевский

Дом правительства.

Кинотеатр имени Низами.

БАКУ—СТОЛИЦА АЗЕРБАЙДЖАНА

В самом центре Баку за древней крепостной стеной еще и сейчас можно увидеть остатки старого города. Узкие, крытые улочки, маленькие неварячные дома. В дореволюционном Баку таких улиц много было и на окраинах. В траве и колоты рядом с нефтяными вышками вепились друг к другу малые лачуги рабочих.

Как не похож новый, социалистический Баку на старый город! Нельзя не любоваться просторными улицами и площадями, нарядными бульварами, уютными в зелени цветущих олеандр и левкоявских цветов, высоких кипарисов и ветвистых новых пальм. На их фоне ярко выделяются новые многоэтажные дома, выросшие за последние годы. Оригинальны по своей архитектуре Дом правительства, здание консерватории имени У. Гаджибекова и Музей имени Низами. В этом великолепном ансамбле, созданном советскими архитекторами, тесно переплетаются богатое наследие азербайджанского и лучшие традиции русского зодчества.

Баку — город нефти. За годы Советской власти неузнаваемо изменились нефтепромыслы. Ушли в область прошлого ручные труд, а старые машины, преимущественно иностранных марок, заменены новыми, самыми совершенными, которые изготовлены здесь же, в Баку. Наряду с крупными машиностроительными предприятиями за годы пятилетки на берегу Каспийского моря выросли судоремонтные и другие заводы. С их станцией сходат мощные буксиры, которые из Баку переправляют миллионы тонн грузов в самые различные порты Каспийского моря — в Астрахань, Туркум, Красноярск, Махачкалу.

Столица Азербайджана славится не только нефтью. На новых предприятиях, оборудованных по последнему слову техники, дерабатывают тысячи тонн хлопка. Бессосновно известностью пользуется продукция крупнейшей в стране трикотажного комбината и хлопчатобумажного комбината имени В. И. Ленина, а также чудесные бакинские ковры.

Баку стал крупнейшим научным и культурным центром. Здесь создана Академия наук Азербайджанской ССР, под руководством которой работают десятки научно-исследовательских институтов в самых различных областях промышленности и хозяйства. В Баку находится одиннадцать высших учебных заведений. Они готовят инженеров нефтяной промышленности, агрономов, врачей, педагогов, преподавателей физкультуры, искусствоведов, артистов.

Ванитцы по праву гордятся своим городом, который с каждым годом становится все краше и величественнее.

На нефтяных промыслах.

Шилко дом нефтяников на улице Низами.

Большим авторитетом пользуется среди трудящихся народный судья одного из участков Октябрьского района столицы Лидия Петровна Заостровцева. К ней часто обращаются за советом или просто приходят поговорить по душам. На снимке: Лидия Петровна беседует с посетителем Степаном Яковлевичем Смирновым.

Фото Я. Халипа.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 23. 1954 год.

Год
издание
31-й

«Дружеский перекур»... Мартин Чаксте беседует со своими учениками.

НЕЗЫБАЕМОЕ

...Сухая, жилистая рука нерешительно протягивается к регистрационному окошку. В глазах человека теплится робкая надежда: вдруг счастье сегодня улыбнется ему? Однако чиновник биржи труда отвечает данью заученной фразой: «Нижняя работы нет... Ждите!» — и ставит в карточке безработного Мартина Чаксте очередную отметку — крестик.

Другие безработные, толпящиеся в коридорах биржи, угрюмо обступают Чаксте. Один из них спрашивает:

— Ты сколько времени без работы, Мартин?

— Пятый месяц.

— Проклятье! Чем же человеку кормить семью?... Когда все это кончится?

Видимо, услышав этот разговор, к толпе безработных подходит полицейский в надвинутой на глаза круглой каске:

— В чем дело? Опять митинговать?... Расходитесь по домам!

Примодая воротник плаща, сгорбившись, бредет Чаксте по улицам Риги домой, на окраину города. В голове одна мысль: «Чем накормит сегодня маленького Гунара и Бени-туса»

В мокром асфальте отражаются неоновые вывески ресторанов, слышны обрывки диалоговой мурлыки кино проносятся коляски с господами в котелках и цилиндрях; мальчиш-газетчик задорно выкрикивает новости: «Самобуйство на чердаке!», «Волнения

среди безработных!», «Предсказание звездочетов на 1935 год!»

Мартин Чаксте проходит мимо завода, на котором он работал раньше. Ничто на свете так сильно не жогет его сердце, как вид мертвого родного завода. Больно подумать: в городе так много безработных, люди сидят без куска хлеба, а в этих огромных цехах уже столько лет гуляет ветер, ржавеют станки, осыпается штукатурка в коридусах.

Каждому рижскому рабочему хорошо известна печальная судьба завода «Проводник». Но ему, Мартину Чаксте, бывшему токарю, завод особенно знаком и близок.

Еще во время мировой войны, в 1915 году, царское правительство распорядилось закиривать промышленные предприятия Курляндии и Лифляндии вглубь России. Было закиривано и «Русско-французское товарищество резинového, гуттаперчового и телеграфного производства» фирмы «Проводник» — одно из крупнейших предприятий страны. Хозяева «Проводника» вывели из Риги лишь часть оборудования, но жизнь завода на этом оборвалась. Генеральный директор фирмы Виттенберг, прихватив с собой средства акционерного общества — около 800 тысяч франков, — сбегал во Францию...

С тех пор прошло уже много времени. В буржуазной Латвии сменилось не одно правительство, а мертвый завод так и не вернулся к жизни. Правда, латвийцы несколько раз пытались пустить цехи, но не под силу им было конкурировать с английскими и германскими фирмами, наводнившими Латвию своими товарами. Разные с возмущением говорили между собой, что правительство предало интересы народа, дав возможность иностранным капиталистам почти беспощадно ввозить товары, в то время как своя собственная промышленность не развивается.

Вот и выходит, что ему, Чаксте, не к чему приложить свои руки. Опытный токарь, он согласился бы на любую работу, но где ее взять? Один кризис сменяется другим. Газеты забиты объявлениями о поисках работы, инженеры просят в слесари, — где уж тут устроиться ему!..

...Затянувшись папиросным дымом, Мартин Андреевич Чаксте замолк.

Вот он стоит рядом с нами в просторном инструментальном цехе Рижского электромеханического завода, носившего некогда название «Проводник». Все, о чем рассказывал старый токарь, безвозвратно ушло в прошлое. Карточка безработных можно теперь увидеть только в музее, а сам Чаксте стал знаменитым в республике человеком. Его портрет висит на доске почета. О нем пишут в газетах, говорят по радио. За самоотверженный труд Мартин Андреевич удостоился высшей награды страны — ордена Ленина. И еще произошло с ним такое, о чем в старой Латвии он и мечтать не смел: его второй раз избрали депутатом городского Совета. Простой рабочий, он стал одним из самых уважаемых людей города.

Дети Мартина Чаксте получили образование: дочь теперь работает бухгалтером, сын — преподавателем института.

Как же произошел в его судьбе такой поворот?

На всю жизнь запомнится Мартину Андреевичу тот счастливый день 1940 года, когда в Латвию была провозглашена Советская власть. По всей стране шли митинги; демонстрации залепестили улицы Риги. Впервые рабочие получили возможность, не боясь попасть в тюрьму, слушать московское радио. И оно пело на всех перекрестках:

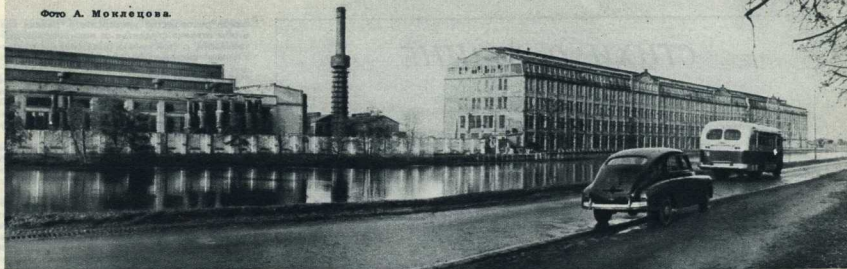
Этих слов величие и славу
Низкие годы не сотрут.
Человек всегда имеет право
На ученые, отдал и на труд...

В те дни закрывались по всей Латвии мрачные биржи труда, а на домах, на заборах, в газетах появились новые объявления: «Требуется коммюнисты!.. Требуется инженеры!.. Требуется токари!..»

Начались восстановительные работы и на заводе «Проводник». Война задержала на четыре года его пуск. Фашистские оккупанты устроили на заводской территории лагерь для

В цехе висит огромная плакат, на котором художник изобразил молодого токаря Михаила Пустовая, работающего в цехе 1939 года. Токари гордо провозглашают парависа с новой производственной победой.

Рижский электромашиностроительный завод — одно из крупнейших предприятий Советской Прибалтии.

военнопленных. Отступая, они взорвали четырнадцать корпусов. Фашисты хотели уничтожить весь завод, но чьим-то невниманием руки во-время обезоружили заложённые мины.

И как только Советская Армия освободила Ригу от захватчиков, снова закипела превращённая работа, снова вернулась жизнь в заводские цеха.

Мартин Андреевич оборачивается к широкому оному и говорит: — Посмотрите.

За оном вдоль дороги танутся громады новых корпусов, брызжут синие искры электротокерин, то и дело проносятся со звоном электрокары, гружёные машины. Простоявший около тридцати лет, бывший «Проводник» стал теперь крупнейшим электромашиностроительным заводом Прибалтии. Он выпускает сложнейшую аппаратуру для электрифицированных железных дорог страны, трамвайные двигатели, генераторы, моторы для автоэлектротранспорта, стиральные машины и много других необходимых в народном хозяйстве вещей. Таскает рабочий трудится в его цехах.

Вот к рабочему месту Чаксте подошёл посетоваться высокий светловолосый парень в чёрном рабочем халате. Это ученик Мартина Андреевича, знаменитый токарь-скоростник Николай Постнов; он работает уже в сенте 1959 года. В цехе висит огромный плакат, на котором художник изобразил этого молодого токаря.

— Я учился у Чаксте, — говорит Постнов. — Он замечательный мастер. Любил бы ты только знали, с каким старанием и любовью относится он к работе!

И в этом нет ничего удивительного. На советском заводе Мартин Андреевич Чаксте впервые почувствовал себя настоящим творцом, человеком нужным и полезным.

Уважают Мартина Андреевича на заводе. Молодежь прислушивается к его советам...

...Уже не раз комсомольская организация завода обсуждала поведение одного молодого рабочего, имени которого им не будем называть. Этот парень оказался чересчур привередливым в выборе работы. Поступив после ремесленного училища на завод слесарем, он за короткий срок успел переменить несколько специальностей. Ему, например, ничего не стоило подать влудит заявление с просьбой о переводе из ремонтно-механического цеха в crane-подъёмный, затем в инструментальный.

— Почему ты не хочешь работать в ремонтно-механическом цехе? — спросила его секретарь комсомольской организации Николай Кручин.

— В инструментальном работа полегче...

Узнав об этой истории, Мартин Андреевич Чаксте был просто возмущён.

— Как же так! — говорил парню Мартин Андреевич. — Тебе создали такие замечательные условия для работы, для учебы, для роста, а

ты не ценишь всего этого! Ты должен любить свой труд, работать не советски!

— Если бы этот молодой рабочий хоть на одно мгновение представил себе пустые, заросшие бурьяном поля мертвого завода, мрачную очередь возле биржи труда, равнодушное лицо чиновника и глаза голодных детей. Только на одно мгновение — не больше!

Долго, взволнованно говорил старый токарь с новичком. Его слова произвели глубокое впечатление на молодого рабочего. Он понял свою ошибку.

— Требуются рабочие, именные! — такие объявления можно теперь увидеть возле каждого рабочего завода. Этого никогда не было в годы господства буржуазии в Латвии.

«Требуются рабочие, именные!...» — такие объявления можно теперь увидеть возле каждого рабочего завода. Этого никогда не было в годы господства буржуазии в Латвии.

ты не ценишь всего этого! Ты должен любить свой труд, работать не советски!

— Если бы этот молодой рабочий хоть на одно мгновение представил себе пустые, заросшие бурьяном поля мертвого завода, мрачную очередь возле биржи труда, равнодушное лицо чиновника и глаза голодных детей. Только на одно мгновение — не больше!

Долго, взволнованно говорил старый токарь с новичком. Его слова произвели глубокое впечатление на молодого рабочего. Он понял свою ошибку.

СТУДЕНТЫ УНИВЕРСИТЕТА

В моторном цехе этого завода сегодня особенно шумно: сюда пришли на практику студенты механического факультета Латвийского государственного университета.

Перед каждым из будущих инженеров стоит серьёзная задача, связанная с разработкой дипломного проекта.

— Мощный цех! Я бы пошел сюда работать, — восхищенно говорит кузавый светловолосый Александр Спрудз.

С интересом рассматривают дипломником огромный рачионный станок, изготовленный по специальному заказу РЗЗэ Ленинградского завода имени Свердлова. Все настройки и управление этого уникального станка производится с пульта при помощи кнопки.

Студенты расспрашивают станочника Анатолия Криволаева о режимах и скоростях, о производительности этой громадной машины, и влудит за спиной у них раздается неожиданный возглас:

— Э, знакомые вы лица! В подошедшем улыбающемся парне студенты узнают своего товарища, выпускника нынешнего года Анатолия Буйкита.

2 под. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 28341

10. sept. 74

18. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

19. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

20. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

21. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

22. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

23. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

24. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

25. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

26. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

27. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

28. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

29. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

30. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

31. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

32. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

33. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

34. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

35. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

36. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

37. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

38. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

39. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

40. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

41. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

42. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

43. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

44. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

45. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

46. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

47. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

48. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

49. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

50. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

51. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

52. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

53. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

54. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

55. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

56. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

57. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

58. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

59. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

60. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

61. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

62. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

63. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

64. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

65. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

66. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

67. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

68. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

69. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

70. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

71. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

72. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

73. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

74. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

75. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

76. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

77. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

78. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

79. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

80. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

81. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

82. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

83. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

84. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

85. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

86. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

87. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

88. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

89. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

90. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

91. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

92. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

93. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

94. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

95. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

96. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

97. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

98. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

99. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

100. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

101. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

102. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

103. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

104. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

105. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

106. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

107. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

108. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

109. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

110. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

111. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

112. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

113. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

114. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

115. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

116. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

117. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

118. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

119. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

120. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

121. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

122. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

123. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

124. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

125. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

126. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

127. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

128. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

129. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

130. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

131. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

132. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

133. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

134. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

135. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

136. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

137. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

138. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

139. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

140. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

141. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

142. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

143. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

144. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

145. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

146. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

147. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

148. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

149. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

150. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

151. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

152. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

153. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

154. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

155. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

156. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

157. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

158. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

159. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

160. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

161. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

162. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

163. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

164. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

165. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

166. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

167. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

168. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

169. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

170. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

171. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

172. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

173. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

174. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

175. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

176. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

177. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

178. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

179. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

180. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

181. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

182. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

183. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

184. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

185. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

186. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

187. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

188. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

189. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

190. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

191. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

192. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

193. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

194. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

195. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

196. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

197. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

198. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

199. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

200. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

201. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

202. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

203. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

204. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

205. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

206. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

207. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

208. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

209. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

210. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

211. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

212. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

213. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

214. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

215. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

216. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

217. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

218. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

219. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

220. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

221. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

222. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

223. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

224. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

225. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

226. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

227. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

228. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

229. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

230. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

231. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

232. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

233. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

234. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

235. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

236. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

237. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

238. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

239. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

240. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

241. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

242. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

243. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

244. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

245. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

246. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

247. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

248. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

249. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

250. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

251. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

252. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

253. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

254. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

255. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

256. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

257. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

258. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

259. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

260. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

261. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

262. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

263. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

264. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

265. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

266. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

267. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

268. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

269. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

270. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

271. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

272. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

273. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

274. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

275. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

276. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

277. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

278. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

279. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

280. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

281. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

282. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

283. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

284. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

285. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

286. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

287. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

288. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

289. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

290. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

291. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

292. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

293. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

294. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

295. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

296. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

297. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

298. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

299. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

300. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

301. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

302. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

303. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

304. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

305. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

306. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

307. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

308. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

309. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

310. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

311. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

312. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

313. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

314. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

315. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

316. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

317. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

318. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

319. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

320. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

321. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

322. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

323. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

324. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

325. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

326. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

327. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

328. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

329. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

330. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

331. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

332. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

333. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

334. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

335. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

336. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

337. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

338. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

339. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

340. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

341. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

342. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

343. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

344. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

345. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

346. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

347. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

348. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

349. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

350. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

351. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

352. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

353. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

354. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

355. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

356. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

357. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

358. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

359. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

360. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

361. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

362. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

363. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

364. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

365. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

366. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

367. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

368. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

369. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

370. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

371. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

372. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

373. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

374. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

375. Baudarbūvniecības darbu kartiņās 3258

376. B

СТИХИ О РОДИНЕ

Ген. БЕДНЯЕВ

Я ЭТУ ЗЕМЛЮ РОДИНОЮ ЗОВУ...

Я в Белоруссии родился, рос
У Западной Двины, на побережье,
Где лен сияет,
Падаете овес,
Где мохляк белой стволы берез,
А сосны — рыжые,
Как мех медвежий.

Но я Отчизну —
Не отцовский дом —
В наследство получи.
Я на Муосе
Роке украинской —
Крещен свином.
У светлой Волги
Я учился в вуза.

Кипяток, Долина Вахша.
Здесь живу.
Раствур урвк с айаю у армков.
Я эту земаю Родиною зову.
Читаю Пушкина с детьми таджиков.

Здесь марки сталинградской трактора
Перешахал межки.
Сердце радо:
Здесь «Правда»,
Словно старшая сестра,
С «Таджикистони Суру»
В витрине радом.

Его заспаюют вопросами:

— Чем ты сейчас работаешь? Мастером!
— Зачем тебе халат?
— В чем испытываешь затруднения?
— Говоришь, на электротехнику надо на-
лечь?

Завязывается профессиональный разговор о
станках, о цехах, о крупнейшем заводе страны,
где студент должен был проходить производ-
ственную практику и где, возможно, придет
ему трудиться. Каждый из них знает, что,
окончив вуз, он будет обеспечен соответст-
вующей его знаниям работой.

И Александр Спрудж и Мина Иванов — сы-
новья бедных латгальских крестьян, у которых
и в мыслях никогда не было, что их дети бу-
дут когда-нибудь учиться в университете. О та-
жевых годах жизни в буржуазной Латвии юно-
ши знают только по рассказам родителей. Они
знают, что мало кому из всей их округи
удалось получить высшее образование в те
мрачные годы. А было это не так уж давно...

В старой Латвии не считывалось всего три
высших учебных заведения, и учиться в них
имели возможность только дети состоятель-
ных родителей. По этой причине количество
гимназий ежегодно сокращалось. А теперь, в
Советской Латвии, каждый год строится но-
вая школа в республике их уже более 1500.
За годы Советской власти в Латвии открыто
шесть новых вузов, в том числе сельскохозяй-
ственная академия, педагогический институт,
институт физкультуры и спорта. Растет число
студентов. В одном только университете учит-
ся сейчас более пяти тысяч студентов.

...Вместе со студентами-дипломниками пря-
мо с завода мы отправились в университет.

Красивый, просторный, но мрачноватый ве-
стибюль старинного здания наполнен веселым,
слесовищимися парнями и девушками в бе-
лых рубашках и юфточках, с комсомольски-
ми значками на груди. На стенах длинных
коридоров висят листки с расписанием заня-
тий, стальные газеты, фотомонтажи. Вместе с
нами знакомыми студентам мы ходим по
огромному зданию, беседуем, смотрим, и ря-
дом с настоящим встает перед нами в оттал-
кивающем, а иногда и просто смешном виде

Москвы салюту
Ворчит наш салют.
Москва —
Светластой доим мастерица.
К нам даже тучки в летний зной
плывут
С той стороны,
Чтоб здесь дождем пролиться.

Кипяток. Долина Вахша.
Здесь живу.
И эту земаю Родиною зову.

В. ЯСТРЕБЦЕВ

РАДИОГРАММА

Весь мир уснул. В эфире шум затих.
Но вот радист прислушается упрямю:
Отрывистая, четкая, как стих,
С Большой земей стучит радиограмма.

Полярной ночью стынмет синева.
Дрожат саюва... И тихо бьется сердце.
Летит сквозь ночь ошлбше слова,
Чтоб на губах радиста отогреться.

Тыре и точки сплывают, стучат.
Звенят они, чуть слышнее сначала.
И кажется, что Родина сейчас
Пришла сюда и в окна постучала.

прошлого университета. Оно глядит на нас со
странной старью, буржуазных газет и журна-
лов, говорит устам очевидца.

Что, кроме смеха, могут вызвать, например,
такие «откровения»: «Культура несет с собой
много разрушений и вреда», «Прошли те вре-
мена, когда студент был источником полити-
ческих познаний. Я не думаю, чтобы студент
был призван думать и рассуждать о полити-
ке... Таким, мягко выражаясь, вздором запол-
няются студенческие журналы в Латвии в
1930—1939 годах.

Правительство буржуазной Латвии, реакци-

онное руководство университета делали все,
чтобы отвлечь студентов от политической де-
ятельности, с этой целью была создана развет-
вленная система так называемых корпора-
ция.

Подражая немецким «буршам», римские
студенты-корпораты ухаживали, попойками,
предно проводили время. И, пожалуй,
не только шлага, но в равной степени пивная
кружка могла служить эмблемой этой сту-
денческой общности.

Вот они, студенты-корпораты, смотрят на
нас со страниц хранившихся в архиве пыльных
журналов: самодовольные физиономии, ша-
почки военного образца, цветные ленты через
плечо.

Нельзя сказать, чтобы это были очень мо-
лодые люди: среди них немало так вечных
студентов, которые числились в университете
по 10—15 лет, больше развлекаясь, чем уча-
сь. В основном все они дети богатых родителей.
...Поднимаясь все выше и выше по универ-
ситетской лестнице, мы оказались на послед-
нем этаже, где находится астрономическая
обсерватория университета.

Студент Иванов привел нас сюда, чтобы
показать еще одну «музейную редкость» —
карцер.

— В университете было три карцера. От
двух из них не осталось и следа, третий со-
хранили как наглядное пособие, — говорит
Иванов.

Желтое пятно света электрического фона-
рика ползет по стенам, вырывая из мрака то
рисунок, сделанный прямо на стене, то над-
писку углем или мелом... Вот на стене четко
выведено углием: «Долой буржуазию!» а вот
надпись в стихах:

«В начальном карцере я
Сидел пять часов,
Здесь я сижу пять дней,
Потому что хотел
Помочь своим товарищам.
Я готов просидеть пять лет,
Чтобы освободить человечество».

В это время раздается звонок, оповещаю-
щий о начале очередной лекции, и наши
друзья-студенты расходятся по своим аудито-
риям.

НА РИССКОМ ВЗМОРЕ

По плану сегодня предполагался поход на
берег моря: подышать здоровым соленым
воздухом, поспать в пестре золотые камешки
внутри... Однако с самого утра зарылся
неожиданный дождь, и поездку пришлось от-
ложить.

В этот дождливый день, когда все кругом
блестит от воды, белоснежное пятиэтажное
здание санатория в Кемери наполняется кор-

...В вторичный цех пришел на практику студенты механического факультета Латвийского государственного университета.

пус огромного красавца корабля, зашедшего сюда с моря.

Даже в такую злую погоду курортные места знаменитого Рижского взморья имеют очень привлекательный, живописный вид. Один за другим тянутся вдоль берега залива дома отдыха, санатории, дачные домики, окруженные пышными парками, садами, рощами. Но нет на всем побережье курорта лучше Кемери.

Возле белостенного дома-гиганта раскинулись огромный парк с насаженными дубами и соснами, с беседками и ручьями, через которые перекинуты романтические мостики.

Из окна сияет тонкую паутину дождевых ниточек видны мокрые садовые скамейки, высушенные площадки, теннисный корт. Вынужденные из-за дождя оставаться в помещении, отдыхающие играют в домино, в шахматы. Одним из них больше по душе тишина читальни, другим — стук бильярдных шаров. А многие просто дружески беседуют в просторной, красиво отделанной комнате отдыха.

Вокруг слышится латышская, русская, эстонская речь. Больше всего здесь латышей, но двери знаменитой здравницы широко открыты для всех братьев и народов нашей страны. В течение года тут отдыхает и лечится более четырех тысяч человек. К услугам отдыхающих серные ванны, целебные источники, грязи. Курорт работает круглый год. Как тут не вспомнить, что во времена буржуазной Латвии гостиница-санаторий была открыта только два-три месяца в году! Лишь богачам было доступно Рижское взморье. Трудящимся, конечно, дорога сюда была закрыта извечной нуждой. Мы спрашивали старых рабочих, как отдыхали они раньше. В ответ они только морщились улыбались.

— Вы интересуетесь, как мы отдыхали? А вот как: рабочий, осмелившийся напомнить хозяйку об отдыхе, тотчас же оказывался за воротами. Ведь желавший поступить на его место было сколько угодно! Вот, стало быть, так и отдыхали мы... за заводским воротами.

С первых же дней освобождения Латвии советскими войсками Кемери стал излюбленным курортом трудового латышского народа. Рабочие, колхозники, интеллигенция — вот кто проводит здесь свои очередные отпуска.

...Собравшись в комнате отдыха люди на мгновение отрываются от своих дел, пронося взглядами крепкого седоволосого человека, который в окружении нескольких юношей проходит к окну. Это заводская молодежь приехала навестить отдыхающего в Кемери старого мастера Рижского машиностроительного завода Рейнгольда Гудольфовича Булиту. Все они располагаются возле окна в мягких креслах и продолжают разговор, начатый еще в вестибюле. Речь идет о комсомольской свадьбе, которую на днях справляют на заводе. Рейнгольд Гудольфович с интересом слушает, смеется.

— Ну, а кто следующий кандидат в женихи? Ты, кто ли? — кивает он в сторону одного паренька.

— Не-ет, я еще невесту не нашел...
— Нет! А кто там, на беседе, написал: «Илья Вазер — Рига и Бай» Чеботарева — Владимир — любовь, навеки! Синий такой карандаш, чернильный. Не ты ли?..

Ребята хохочут, а парень оправдывается:
— Да я здесь вовсе и не отдыхал. Что мне, ремизник Ленин? Я в прошлом году на Кавказе был по туристской путевке...

У старого мастера сияют глаза. Нет, он не чувствует себя стариком, хотя возраст у него весьма почтенный — семьдесят лет. Молодежь любит его не только за веселый характер и умелые руки, но и за то, что Рейнгольд Гудольфович честен с увлечением рассказывает о своей интересной, полной больших событий жизни. А ему есть что рассказать: с 1905 года он состоит в Коммунистической партии, участвовал в революции и гражданской войне, много путешествовал по всему миру.

— Расскажи что-нибудь, Рейнгольд Гудольфович, — уговаривают гости старого мастера.

— Да в вам, кажется, уже все рассказал...
— Про Ленина рассказали.
— Про Ленина! Ну, кто ж, придется уве-

С увлечением относятся заводские молодежь и старому, прославленному мастеру Рейнгольду Гудольфовичу Булите. Сегодня молодые производственники приехали в Кемери специально для того, чтобы познакомиться с ним.

жить вашу просьбу... Вместе с другими латышскими стрелками мне выпало счастье охранять Смольный. Не раз случалось мне видеть нашего великого вождя, благодаря которому и земля, и фабрики, и курорты стали достоянием народа.

Начав рассказ, старый мастер вспомнил 1919 год. Южный фронт, тяжелые бои против Деникина, вспомнил, как погибли его брат-красноармейцы. За дело революции отдали они свои жизни. А под Нарвой во время Великой Отечественной войны сын Рейнгольда Гудольфовича, командир саперного батальона, сражался за то же правое дело, потеряв зрение и руку...

Молчат окружившие Булиту заводские парни и отдыхающие. О чем думают они! Можем ли мы быть, о том, что великая братская дружба русского и латышского народов скреплевала нитью в борьбе за общее дело, о том, что

эта совместная борьба под руководством Коммунистической партии вздоула жизнь в мертвые цехи бывшего «Проводника», открыла молодежи двери университета, сдавала Рижское взморье здравницей трудящихся, дала им великие права и почетные обязанности.

...В центре Риги на постаменте из красного гранита возвышается бронзовая фигура Владимира Ильича Ленина. Несмотря на то, что сейчас уже конец осени, у подножия памятника лежит свежий букет светлых нежных цветов. Говорят, что цветы приносит сюда похилый человек с головой такой же белой, как эти цветы, — старый коммунист, потомственный рабочий, бывший стрелок Латвийской дивизии, который в первые дни революции охранял Ленина в Смольном.

Фото А. Узяина.

ДЕСЯТИКЛАССНИКИ ПРИШЛИ НА ЗАВОД

Минувшим летом на Уралах поступил десяток заявлений от окончивших десятилетку — из Хабаровска и Иркутска, из Челябинска и Магдогова, с далекой Камчатки и Сахалина. Юноши искали на своем желании приобрести специальность на заводе.

Решили поехать на Уралах по окончании средней школы и Анатолий Павлов, сын сахалинского рыбака.

Еще будучи школьником, он интересовался техникой, много слышал от приезжих о больших заводах, об уральских умельцах. Его тянуло на завод, к станку.

И вот Анатолий в Свердловске, на «заводе заводов», как называют Уралах. В светлом, просторном цехе крупных узлов, куда его направляли, он замер от восхищения. Все здесь поражало огромными размерами.

Перед юношей открылся совершенно незнакомый ему мир, который жила напряженной и ритмичной жизнью.

Как-то незаметно прошли первые дни работы. Анатолий быстро свыкся с новой обстановкой.

«Еще полчаса — и коммиссия шестерин будет готова. Павел Шергин отлично справился с заданием».

В цехе крупных узлов оказалось много ребят, которые также после десятилетия пришли на завод. Анатолий подружился с Юрием Гириком, Борисом Набоких, Павлом Шергиным.

Во время обеденного перерыва к друзьям, осматривавшим замечательное оборудование, подошел начальник цеха Валентин Федорович Валентин.

— Ну как, ребята, нравится? — спросил он. — Вы теперь будете уральцами. Только не забывайте, что уральцы — народ особый: с живинкой в дем.

— Приставай встречали молодых рабочих на заводе. Им предоставляли благоустроенное общежитие, выделали для обучения опытных мастеров производства. Вчерашние школьники вступили в новую жизнь с большим, радостным чувством.

Но немало было и горьких минут. Однажды по неопытности Борис Набоких сломал резец. Правда, мастер ничего не сказал, но Борис долго переживал неудачу.

Встречались трудности на первых порах и у свердловщика Анатолия Павлова. Ему, как и другим новичкам, много помогает инженер Николай Иванович Барачиков — руководитель технической учебы молодых рабочих. Не только на занятиях, но и в личных беседах он охотно передает молодежи свой богатый производственный опыт и знания.

Никогда запомнится Анатолию Павлову и Павлу Шергину день, когда они получили первое серьезное задание от именитого мастера Г. Богомазова. Не так-то легко было разобраться в чертеже, но с порученным делом они справились отлично. Не менее ответственное задание получила и Борис Набоких: помочь токару Федору Путинцеву обработать вал для прокатного стана.

Глядя на медленно вращающуюся металлургическую машину, Борис с гордостью и радостью думал о том, что ему, недавно пришедшему на завод, доверили такое сложное дело.

Однажды к новичкам зашел комсорг Василий Смагин. Незаметно завязалась оживленная беседа. Каждый говорил о том, что больше всего волнуется сейчас молодежь завода. Юрий Гирик сказал комсоргу:

— Вот какое дело, Вася. У меня к тебе большая просьба. Я готовлюсь в институт, а в нашей комнате очень шумно. Нельзя ли меня перевести в другую?

— Что ж, попробую помочь, — ответил

Свердловщик Юрий Гирик за работой.

Сменный мастер Г. Богомазов дает задание Анатолию Павлову и Павлу Шергину.

комсорг.— А почему ты об этом не сказал раньше?

Юрий лукаво сощурился:

— Я бы сказал, да ты, Вася, редко бываешь у нас...

В свободное от работы время Анатолий Павлов тоже садится за учебники. В будущем году он собирается поступить на вечернее отделение Политехнического института.

Новая, интересная жизнь открылась перед юношами, решившими после школы поступить на завод. Они валились в слабую связь рабочего класса и напряженно трудятся на благо любимой Родины.

...По улице Красных партизан идут рабочие. Они спешат на родной завод. Среди них мы видим и вчерашних десятиклассников. Они вступают в новый трудовой день — день, полный радости, забот и смелых исканий.

Пожелаем же им успеха в их благородном труде!

В. ПРОХОРОВ

Прежде чем приступить к обработке детали, строгальщик Анатолий Павлов производит соответствующие измерения. В свободное от работы время Анатолий садится за учебники.

С. М. Киров на трибуне XVII съезда ВКП(б).

...Наша большевистская партия всегда отличалась от всех других партий тем, что она слово не отделяет от дела, тем, что свои решения она твердо проводит, невзирая ни на что, потому что эти решения правильные, единственно возможные и действительно победоносные.

С. М. КИРОВ.

Харьковскому государственному университету имени Горького 150 лет. В стенах этого старейшего вуза страны воспитывалось не одно поколение известных ученых и специалистов. На снимке: в лаборатории спектрального анализа кафедры Физической химии. Аспирант Олег Коновалов и студентка Гритуна Ключинка на практических занятиях.

Фото А. Моклецова.

В. ВЕЛИЧКО

ПОДВИГ ЮНОСТИ

Визу — даль степей...
И. Никитич «Русь».

I

Обычный ход жизни в доме старого тагильского токаря Михаила Егоровича Флорентьева нарушился. Прихлынули неожиданные тревоги, волнения, хлопоты: племянник Флорентьевых Никаша, почетный в семье за сила, уезжал на целинные земли.

Озабоченный, возвращался с работы дядя Михаил. Запершись в комнате, где издана стояла домашний токарный станочек, мастер готовил Никаше инструмент, укладывал его в походный железный ящик.

И тут дядя Михаил размышлял о юной судьбе.

Никаша жил в семье Флорентьевых с пеленок. Его отец Петр, младший брат Михаила Егоровича, медальера, был послан в 1930 году в сибирское село Пермиво двадцатипятилетним и там погиб под кулацким топором. Вместе с ним погибла и его жена Клавдия, мать Никаши. С тех пор прошло более двадцати лет. Родные дети Флорентьевых были уже отцами и матерями, возле старого токаря и его жены Павлы Филипповны остались один Никаша, у которого тоже не было других родных. И этот парень за немногие годы своей жизни словно бы пережил всю долгую жизнь Флорентьевых.

Никаша умел чудотворственно резать металл, и он же превосходно знал танки, их броню и так же знал тракторы, свободно разбирался в стали. Юный Флорентьев сопровождал старого токаря в народный Китай, куда тот ездил обучать мукденских рабочих советскому искусству резать металл. Обширность ума и разносторонность технической мысли дяди Михаила передались Никашю Флорентьеву. В этом отношении Никаша был спячком со старым токарем.

Никаш начал работать на заводе, рядом с дядей Михаилом, подростком во время войны. Но и после войны он не оставил завода, хотя закончил десятилетку с серебряной медалью.

После службы в армии молодой Флорентьев поступил на заочное отделение университета, в биологический факультет, и продолжал работать токарем. И снова он стоял рядом с дядей Михаилом.

В нем пробуждался свой Флорентьев. Не раз старый токарь думал о брожении юной крови и боялся, что Никаша слишком смело и рискованно отказывается от обычного пути молодых людей, видевших всю весеннюю и орлеинскую инженерию. И все же молодой Флорентьев шел, куда-то шел упорно, своею дорогой.

В конце концов дядя Михаил должен был признать, что крылья эпохи отрастают у детей быстрее, чем у отцов. Конечно, юношеская летательная сила не так прочна поначалу, но крепость ее достигается в действии. И вот смелые сердца бросаются в волнуемое пространство, летят.

Несколько дней в доме Флорентьевых было шумно: приходили к Никаше товарищи с разных заводов, также ездившие на целину, пели, танцевали, жарко спорили. Дом старого токаря вбирал в себя часть волнений всего города, его заводов, забудораженных новизной. Затем эта шумная волна прошла, и Флорентьевы проводили продолжительные вечера вместе, собравшись в столовой. В те вечера говорились слова проникновенные.

Расхаживая по комнате, дядя Михаил напутствовал Никашу и всерьез испытывал его.

Молодой Флорентьев сидел на табуретке и начинал пробные подходы к новым валенкам. Это было громадней, крупнопялый парень, молчаливый и гласный. Флорентьевы от роду шия росли, большой крепости, и столь же они были замкнуты, даже мрачноваты. Не все это присутствовало в молодом Флорентьеве: глаза его смотрели на мир открыто и доверчиво, чувствовалось, что его сердце бьется свободно, ровно и ему хорошо стучать в могучей груди клети Никаши.

Поглаживая на племянника, тетя Павла напоминала, каким был он, когда дядя Михаил привез его на самолете прямо из Пермиво от колхозника Удальбишева... В этой комнате на столе тетя Павла березию вязалка из полу-

шубка теплой сверточек. С замправным сердцем она развирала его. Сибирский год спал. Он был крошечный и слабый; проснувшись, сразу же заплясал и свернулся калачиком... И вот Никашевка — уже сильный мужчина и едет куда-то в заснеженные, беспритворные степи, едет на большое, народное дело.

— Ты обьясни толком, что тебе забвунтозадо? — строго спрашивала дядя Михаил.

Комсомольская путовка Никаши дрожала в его руках, и каждая черточка вздрагивала на широком монгольском лице.

Никаш некоторое время размышлял.

— Видишь ли... — начал он медленно... Говорить я не мастер... Одним словом, я счастлив, что могу с удовольствием и много работать руками и что советская молодежь, наконец, ограждена от тех страшных уродств, которые появляются из презрения к материальному труду... вот к этому, что делает валенки, пряжу, табуретки...

— Уж больно ты учено говоришь, Никашевка, — пожаловалась тетя Павла.

Старый токарь допытывался:

— В крестьянство идешь?

— Нет, — возразил Никаш. — Другое у меня... Он отложил валенок к стороне и заговорил негромко, подавая чувство: — Не в крестьянство иду. И город не покидаю, нет! Я беру город с собою: его культуру, обычай, его сильную душу. Понимаешь ли, дядя Миша, у меня есть убеждение... Давнишне оно... Метта, так сильная, как страдание. Ее выражает одно слово: «Хлеб! Да, хлеб... тот, что мы едим и все едят... Великое слово! Хлеб, в конечном счете, не должен быть никакой собственностью, даже коллективной, все равно, как недра советской земли. Уже колхозный строй вынес приговор исторической несправедливости — собственности на хлеб. Советское общество идет к высшему идеалу: хлеб должен быть всеобщим, всенародным. И я, комсомолец, должен отделиться партией, чтобы достичь этого идеала... Без города не достичь его. Я много думал, дядя Миша. И это моя вера... Пора наступила — я готов!

Никаш опять взялся за валенки, а дядя

Рисунки П. Пинисевича.

Михаил опустился в кресло и прикрыл глаза. Некоторое время стояла в комнате тишина, слышался лишь шорох вязальных спиц в руках тети Павлы.

— Дедюль! — отозвался наконец дядя Михаил.

— Очень даже рассудительно, Никаншенка! — горячо подтвердила тета Павла. — Недавно старые люди говорили: «Хлеб — на вескую веру бог».

Улыбнувшись, юноша выждал немного и ответил:

— Нет, мой хлеб выше бога...

II

На улице качался фонарь, борясь с пургой. Порывистые волны света пробивались сквозь тучи снега, достигали домика, и тогда по комнате пробежали легкие, светлые тени, словно бы улюбавшись кто-то большой и широкоплушный.

Руки старого токаря лежали на плечах юноши. Дядя Михаил загворил с приваляемостью:

— Порадовал ты меня, Никаншенка! Вышел из тебя настоящий советский человек... А теперь меня послушай! — пригрозил.

На столе появились самовар. Усживаясь за стол, дядя Михаил загворил неторопливо, часто умолкая, задумываясь:

— Подъем цели, Никаншенка... святое дело, великий ход резервов. Правильно делает партия, что поднимает эти резервы. И вот, как во всяком деле партии, с иезу Лении. И тут Лении с нами. Да, Ильич ментал о сибирских целинах. И не думай, что ты идешь туда первым посланцем рабочего класса: туда уже проложена тропа. Первыми к сибирским целинам пришли петроградские рабочие с Ильичем. Бесполезное дело!

Широко раскрытые глаза юноши светлели, перед старым токарем, а тот рассказывал то, о чем не мог знать молодой Флорентьев.

В 1918 году путликовские рабочие двинулись в Сибирь поднимать целину, добывать хлеб для революции. На заводах Нижнего и Верхнего Тугиля для них делалась ерга, и на этом деле стоял и дядя Михаил и его младший брат — веселый и пробовый Петр, председатель особо созданного Комитета по выпуску плугов.

— Боевая была работа, — вспоминал дядя Михаил. — Сроку — никакого: ведь зинелю уже шли в Сибирь, и наши бабы их встречали в Екатеринбурге. Вот и моя Павла встречала.

Тета Павла повернулась к Никандре, и тот увидел победившее вдруг лицо. Она загворила несуетливо спокойно, словно говорил за нее кто-то другой:

— Такой же был февраль... Выжили — светло-то веси в снегу, будто ледяной. Зинелю-то коммунеры, в шапчонках, с винтовками, стоят на платформе впереди паровоза, там и плуемт у них. Кулаче-то кругом змеялось,

кругом банды. А в Сибирь, Никаншенка, этого зверья была тма-тмушная. Ну, а ехали они на Алтай — в самое гнездо кулацкое, то-то ремяшность... Потрудились мы: это катушку, картошку, хлеб — невелика была наша помощь, и пошел поезд, зарева. В распахнутых дверях телушек детинчи стоят, бабы, на выгоду страшную смотрят; в других вагонах коней поит. А в одном, слышим, раненые стонут: где-то через банду прорывались коммунистический поезд... Так зинелю и ушел... Потом были еще. Один-то зинелю шивинское кулаче разнелю весь, в эшелон... Потом уехала туда Петр Егорч, твой отец.

Дальнейшее Флорентьев рассказывала со слез Петра Флорентьева. Как председателю комитета, он сопровождал плуга в Сибирь и продаждал вместе с плугиловыми первую борозду. Захваченный тамошними событиями, Петр вернулся из Сибири только через два года, весь ирраженный.

Путликовцы вышли из вагонов за Барнаулом, на станции Рубцовка, и, миновав село Оловянишино, двинулись караваном в Коростелевские степи, которых еще не касался плуг. Тут они и дожили были создать новую культуру производственного труда на земле и ананить эту культуру в жизнь, развить застойный фронт векового капиталистического сивнства в сельском хозяйстве. Обширная Коростелевская степь была в руках свирепого кулача — секитинг-молокаи, разводивших шивинских овец.

Молокаи напали на плугилов в их первой борозде. Был бой. На поддержку плугиловам поднялась беднота степных слес, и схватка разнелась по всей степи. Молокаи отступили к горам. Через полторы недели они вернулись, уже вооруженные английскими и американскими пулеметами. С боями отходили плугиловы в Коростелевской степи, оставая вспаханные и засеянные поля, будто зеленеющие всходы... В Петроград плугиловы не вернулись.

— Рассказывала Петр Егорч, — наештаывала тета Павла племнинку, — пробивались они в якую-то Кулууду — востание поднимать против Кочкача. Там и сложили головы. Сам Петр Егорч чуть живой вернулся. А потом, через десять годов, опять его туда, в ту анафемскую Кулууду, шархнуло... «Куду-ты?» — говорю ему. А он эдак серьезно на меня глауза, без веселости, и говорит: «Иельза, долг прометаризат!» Да и не вернулся... теби присла... Слосибо тому Пятригу Ульбышев, сберег теба...

Дядя Михаил положил руку на плечо жемн:

— Довольно, мать.

Обернувшись к Никандре, спросил:

— Ну, что скажешь?

— Все понид, — отвечал молодой Флорентьев. — И ты не думай, дядя Миша, что если я помалкиваю, то во мне нет сил. Она есть.

— Ну, в этом я не сомневаюсь, — усмехнулся старый токарь. — Давно замечено: те, что роились в громях, те не шумяны, они тихие, да зато сердца у них громуе — Дядя Михаил обнял молодого Флорентьева и, уже уходя, что-то прикринул у его, сказал: «Хорошо, я к тебе на уборочную наведоюсь...»

Вскоре дом тугильского токаря утомился. За его надежными стенами было тепло и приятно. Ощущая всем телом это ласковое тепло, ровное и мягкое, как дыхание здорового человека, Никандр долго оставался в столовой среди ветей, знакомых и дорогих с детства.

Молодой Флорентьев встал и подошел к окну, за которым вылила и свистела метель. Он стоял, чуть согнувшись, охваченный внутренним трепетом, чувством, как дышит выюжная, далекая Сибирь. И словно бы в ответ той неведомой стуже высребил на обледенелом стекле овал:

«Хлеб!»

И это слово открывало молодому сердцу бескрайние, заснеженные степи Сибири, и в тех снежных далах были Алтай, Кулууда.

В лютый февраль 1954 года в тысячах юных сердец была весна.

III

За основными борами, на юго-запад от Барнаула, лежит Кулуудинская степь — краса степного Алтая.

«Кулууда ровина и безбрежна. Реальные острова дерево — и то вблизи от железной дороги — выдуются в сплюснотом просторе, отмеченные островками купами топей. Даль степей бесбредлима. Ковыли... Ковыли...»

Сердце армянского студента перед ним, как стучит оно у человека, впервые видящего море.

Кулууда готовилась к приедуе ее преобразователя. Терясь в снегах, землемеры нарежали по целинам грани новых зерновых совхозов, наносили на планах точки центральных усадеб. Это происходило далеко за семами колхозных целин, где кончалась лесная полоса, «ветряные колодези» и редкие, малопригодные постройки дедных лагерей для скота. Наконец землемеры закончили свою работу. Их начальник, передавая директору нового совхоза сверенный с площадью план земель, сказал:

Эти земли ретчайшие в степе.

Директор Емельяненко зажал подмышкой длинную трубу футляра, а зятером был запряган план, и простился с землемерами.

Новый версхозов «Кулуудинский» был, таким образом, определен в жизнь. Поехавшая от пронизывающего холода, стоял Емельяненко в степи. Это был человек Хоть и не старый, но для него не звучали новостью слова о кулуудинских целинах. Восемнадцатилет он работал в зерновом совхозе, неподдался от тех мест, где некогда поднимали целину итерские рабочие; оттуда он и приехал сюда, в Кулууду. Вскоке было! И все же... «Плюто сжав губы, думал Емельяненко о завтрашнем дне.

Все, что было сегодня, — это земля и ее плос, что покоялась в футляре. Вот и весь совхоз. И, тем не менее, совхоз уже существовал. Директор брал машину в Кулуудинском райкоме партии и медленно выезжал в степь на производственные участки; ходил по ним, приглядываясь, приглядывая, размалывал. Для

гда отличало крестьян — людей земли — и существовало даже теперь в обновленном мире колхозной деревни.

Вот обитатели степного острова, усталые после работы, сидят на соломенных, смотрят на свои степи. Невнятный шум степи, еще покрытой снегом, но уже испещренной проталинами, но для них. Он прилетает к палаткам, как веселый незнакомец. Стень, откуда примакает этот посланец, загадочна, привывна.

— Она даст хлеб, — шепчет девушка полудре угнетившо.

Та крепко жмурит глаза, кивает головой:

— Да, да...

И обо мне в безотчетном чувстве, смесью, привывно бужу к другу, смываются другие из сиваев тени.

Полудра спрашивает:

— Ты выдела, как он растет, хлеб?

— Нет. А ты?

И я нет.

Это вовсе не означало, что они бесконечно или беспечно. Молодые люди с уверенностью и простотой мастеров брались за любую сельскохозяйственную незнакомую им машину, и она слушалась их; они проходили курсы, и новое дело словно само шло им в руки.

Агрономом не требовалось напрягать силы, чтобы растолковать своим слушателям об азоте, белке, хлорофилле, а механикам — о действиях законов инерции и сопротивления при лапате.

Распределение людей по работам уже прошло. Было известно, кто трактористы, прицепщики, сельважники; даже комбайновые агрегаты были укрупнены конструкторами. Люди не называли никаких сомнений; директор совхоза знал: все машины, начиная от трактора и кончая версификацией, пойдут, как часы. Он только улыбался, выслушав на заседаниях райкома партии различные опасения и тревоги на этот счет.

Другое не давало ему покоя.

Возвращаясь в палатку глубокой ночью, Емельяненко пробрался к своей кровати и, усевшись на ней, сидел часами неподвижно. «Каким же будет этот совхоз?» — думал директор. — Каким должен быть?»

Емельяненко понимал, что этот совхоз не повторит того хозяйства, которое было у путников на Коростельской степи в 1918 году, хотя сама идея оказалась бессмертной.

И, далее, новый великий союз не мог быть копией старых совхозов, да он уже и не был такой копией.

— Ты не спишь, Емельянич? — спрашивал со своей койки Александр Иванович Усов, председатель рабочего комитета.

Поднимался и секретарь — парторганизации Миклошев.

Три коммуниста отрывали последние минуты от короткого сна, обсуждали множество дел и пытались заглянуть в будущее. А жизнь делала новое творение по своим законам. И облик грядущего зависел от того, будут ли желания людей осуществлены так же, как естественны те законы, сумеют ли люди найти себя.

Жизнь в степи сразу же поломала те перегородки между людьми, которые оставались еще от городов и заводов. И у нее началось появляться свое лицо; как только сложилась партия, появилась организация, появились все, без чего не мыслит себя городской молодой человек: комсомол, профсоюз, стенная газета, футбольные команды, кружки. Юный коллектив делал себя и строил новые связи привычно и с легким, многократно отлаженным сердцем.

У Никандра Флорентьева появились новые друзья: камешник Михаил Тимошенко и Вадим, слесарь, сын известного поэта, оба москвичи. Это были разные люди: Михаил — ступивший парней, с удивительно нежными длинными волосами, высоким и гибким, как молодой тополь; Вадим — прямая противоположность ему: порывистый, с неслыханными движениями; сын поэта ходил на мотовило, махавшее без всякого толку во все стороны. Ему шел семнадцатый год, и к концу первой недели он решительно во всех аллобусах, каждого признавал своим идеалом и все перетрагировал.

Тимошенко он говорил:

— Ты, Миша, мой идеал. Или к нам в бригаду: трактористом, напарником будешь у Никандра Флорентьева. Прекрасный человек Никанда — тоже мой идеал, в Китае был. И я все обоим запечатлею для истории на фоне несобойной Культуры.

Михаил отказывался и от почетного положения тракториста и от возможности понасть в летопись истории.

— Тронутый ты человек, большой. — оправдывался Тимошенко. — Камнем околдован, глину гонимый, иезесть и все такое. Как унываю пишу, так меня и начинает мутить; вонды бы и построил тут домик!.. Должен ты, Вадик, о такой советской болезни знать: в романе описана.

— Как же, читал, — подтвердил Вадим. — Даже на стройке был, да посоветовали уйти: все время сырвался с лесом.

И на усадьбе Вадиму не везло. Неудачи преследовали его на каждом шагу: то он сваливался в яму с водой, то его бодал баран, появившийся в числе первого поголовья на степное, то Вадим застрелял меж бревен. Руха же постоянно были повозаны, а со слоб не ходили шишки.

— Ничего, Вадик! — смеялся Флорентьев. — Стиравай синицы и дышки, а потом пироги и пашку. Ты у меня будешь арестанчиком, а потом интурманом на комбайне. Пахота, сев, жатка — все наив.

Вадим ложился на свою койку и разговаривал сам с собой:

— Вот и степь... Вот и палатки... Будут хле-

него это было уже не голое пространство, не дышащая степь, а нечто живое, и хотя оно спало еще, в нем угадывалась первоначальная клеточка великого общезародкового дела.

Где-то шли к ней тракторы и другие многоиспользные машины, приворачивались готовые дома, которые требовалось только собрать на месте, посылались палатки и степные вагончики. На грузовых поездах значилась лакокрасочная заводская: «На пашину!». И эти поезда проходили в первую очередь. Но все это, достигнув места назначения, могло и не пробудить степь, могло и никак не остаться под безумчатым небом, превратиться в груды ржавого железа, гнилья, праха.

Сила преобладания степи таилась не только в машинах, как бы хороши они ни были.

При первых думовых лесах развивалась в степи центральная усадьба Куландинского зерносовхоза — городок в две улицы из палаток и вагончиков. За этими улицами начали закладываться улицы и переулки жилых домов и общественных зданий. А чуть в стороне появились уютнейшие и девушки дощатые струги, копань, были и укладывали камень в фундаменты, стучали топорами. Тут были юные посланцы Москвы, городов Урала и Сибири, прибывшие по комсомольским путникам. И вся страна знала, что они здесь и делают великое, народное дело.

Далеко был виден этот островок в степи.

И постоянно он дымился, напоминая некий корабль, идущий по своему курсу.

Внешне жизнь на усадьбе казалась простой: пришла люди и начала строить. Где такого не бывало? Уж кому, как не России, знать людские движения к землям! А жизнь отвечала: нет, то были движения крестьян к крепостничеству, и она не затронула города. Другое теперь: к земле двинулись люди из крупных городов, в центре страны, с больших культурных центров страны, с больших заводов, цвет жизни — образованная молодежь, люди машинных, металлургических профессий. И они стремились вовсе не в крестьянство, тем более не мечтают стать аграриями. Они ищут перед собой горизонты несравненно более широкие.

Дети города продолжали здесь, в степи, городскую жизнь. Они говорили о футболе и театрах, об образовании и о танцах; технически споры продолжались молодыми людьми с прежней горячностью. У них было свое восприятие событий. Машины, прибывшие в совхоз, не поражали их воображения, но хорошо сделанная работа, какая бы она ни была, вызвала истинное восхищение: они относились к работе в точности так же, как относились к воде: строго, заблаговно, но без всякой тени преклонения.

Хлеб, во имя которого они пришли сюда, не вызывал у них того путяного трепета, душевного размачивания, молчаливости, что все-

ба крутом. Потомка скажут: вот они, какие люди были! Песни о нас будут петь...

Флорентьев понимал, что это — парение юношеской мысли, слишком легкое и слишком возмуженное. Но ему было приятно слушать Вадима. Сам он испытывал нечто похожее на опьянение. Как волны, одна за другой, переживания несли его в новый мир, и он чувствовал, что этот мир принадлежит ему, со всеми его новизнами, волнениями и нежданностями.

Иногда Никандру казалось, что где-то близко в степи ходит его отец и даже слышится его внятный голос. Затем молодой Флорентьев в мыслях заставал себя на пути, когда поезд ворвался в Алтай. Все лето и зноилово в воздухе. Под горячим дыханием оттаивали осы. Виднелась в них пурга, бешено выходящая и словно бы раскачивающая поезд вместе с полотно железной дороги. Никандр вышел в тамбур и, открыв двери, жалко догадуя густой свежий воздух. Странное мгновение пережил тут молодой Флорентьев: в нем всплукнуло яростное, до боли сладкое желание броситься в эту лобзующую пургу и плотно прижаться грудью к земле. Желание промелькнуло, и Никандр расхохотался.

Его письма дошли бы скучны и расквашивали больше о товарищах, чем о нем самом.

V

Погоды не было, все крутом было пасмурно. Утрами степь чуть-чуть раздвигалась перед ветром, но тут же наполнялась туманами и ветрами.

И начался день.

Об этом вспоминал Михаил Тимошенко — неуезный строитель. Он шел меж палаток, поправляя своей сумкой с инструментом, а затем уже издали слышался мерный и настойчивый стук по камню.

В палатках просыпались. Какая-нибудь горячая голова высовалилась из-под брезента, палатка смотрела вонючу, и вдруг обратило в палатку, и звонкий голос воззвещал:

— А весны, друзья, нет!

Никандр Флорентьев не поддавался всеобщему ветеранству. С тех пор, как он вступил на эту землю, в нем проснулось Толкуший Марк, которому надо было кончиться с утра до ночи. Экзамен на тракториста он сдал в первые же дни; его трактор стоял в полной готовности; прищипника Вадима Никандра подготовил сам; еще не зная своего напарника, которого освещала со дня на день, он подготавливал прищипника и для напарника... Не поспедела весна, западывающая на три недели, но руки Флорентьева оказались подхваченными для многих дел на строительстве усадьбы. Он

строил колодезь, и можно было подумать, что это движется мастер.

— Должен быть, ты и каменщик? — спрашивал Вадима Тимошенко, встречая Флорентьева у колодезя.

— Могу и каменщиком, — отвечал Никандр. — Ну, а плотником?

— И плотником могу.

— Странный молодой человек, — отозвался подручная Михаил. — Обижает всех деушек.

— Чем же? — удивился Михаил.

— Презрением. — Подручная подошла к колодезю и остановилась перед Флорентьевым.

Это была большегазлая девушка, стройная и смеющаяся. Звали ее Ирины. Чуть покачивалась, не спуская глаз с Флорентьева, она весело продолжала:

— Да, товарищ Флорентьев, большой вопрос! Деушки могут ожесточиться, а сердце девушки — самое взрывчатое вещество.

И она ушла.

— Бойка!

Подождав Вадима, Флорентьев начал спускаться в колодезь.

В этот день Никандру работалось плохо: колодезь казался тесным, и все было под руку. Он отправил брата с тачкой наверх, принимая ждать сруб, укладывал их, а голос Ирины все время слышался ему... Наконец появилась вода. Она хлынула сразу, чистая, обильная. Никандр набрал ее горстью и поворободил; вода была хороша.

— Давай пробу! — закричал сверху Вадим, спуская ведро.

И с победным видом он унес первое ведро на кухню.

Тем временем Михаил Тимошенко спустился в колодезь укладывать два камня; оба мастера поджидали ответа кухни.

Одевый в бесформенную, испачканную рязню, Флорентьев привалился к углу сруба, словно громадная глянцевая глыба, отдыхал. А Тимошенко говорил об Ирине:

— Мы с нею с одного двора, с Шаболова, а не узнаю дежку. Что-то в ней появилось... И ты ее не обижай. В вашей бригаде учтичей будет, о трактористах беспокоится. Конечно, я тут сторона. Но послушай бы ты, как она о тебе расспрашивает. Она ведь со мной, как с братом, начестую...

Громадная, испачканная глянцевая глыба зашевелилась и привинулась к Тимошенко. Тот увидел озлеженные глаза, дронувшие губы.

— Довольно! — проговорил Флорентьев. — Я, ты, она, все мы в новой жизни. — Голос Никандра зазвучал жестко и ровно. — У нас трудная дорога. И я дал клятву... Дал! И не с того мне надо начинать, чтобы слерзать клятву.

Каменщик хотел что-то сказать Флорентьев оставался его:

— Молчи.

Наверху послышался топот. Кто-то свесился в колодезь и закричал:

— Эй, водичка, вылезайте!.. Трогаемся, в степь высекаем!

Флорентьев сжал руку Михаила и с шумом выдохнул:

— Вот оно наше — началось!

Холодный ветер обдал Флорентьева, когда он поднялся на поверхность. Он даже как будто и не узнал усадьбы. У палаток сновал парок: один высекался из них, а другие всеядлись; с ревом равноравнивались, тракторы тащили вагончики, подстранивая их в поезда, и движением. Моросил мелкий дождь, развеваемый ветром в мокрую пыль. Степь была темна и неотлично сливалась с таким же темным, безлиственным небом. А взбурдрывающая усадьба жила своей долготражной жизнью.

Милослов и Усов остановили Флорентьева.

— Прибыл ваш напарник, — заговорил Милослов. — Похоже, несколько страннй человек. Мы просим вас, не упустите трактора из своих рук.

— Видишь ли, Никаша, — продолжал Усов, — главное, вернуть этого парня в дисциплину графика: развинчен и, кажется мне, будиана.

— На руках носить не буду, — утонул Никандр.

Усов засмеялся: — Ну, конечно. Целина не детская площадка.

Возле дощатого клуба плясали. По кругу шел в замысловатом колесе лихой коренастый парень с широкими, вывернутыми ногами. В толпе восторженно ахали, а танюор уже шел турманом. Затем круто, с лачку ой сел прямо в грязь и поехал каким-то неизяснимым способом, без участия рук и ног.

— Никаша, Никаша! — кричала восторженно Вадим, прогискиваясь, через тошу. — Это пляшет твой напарник. Вот парни! Герой, мой идеал... Фамилия удивительная — Нодрра. На нем татуировка — боги все редний мира нарисованы. Правда!

Возле Флорентьева стоял Тимошенко и говорил:

— Что ж, Никаша, расстанем до зима? Значит, в бой? Ну и мы не останем; вернется на усадьбу — все улщцы будут готовы. Точно!

После обеда началось движение в степи.

Четыре поезда вагончиков и машин потянулись с усадьбы, каждый на свой участок. Железные долоны тракторов печатали мокрую, но упругую землю, пробивая на ней первые следы — ясный рисунок будущих дорог. В вагончиках жарко горели печи, продолжалось веселье. Сидя за рулем трактора, Никандр Флорентьев был строг и спокоен.

Кулундинские степи знали немало пришельцев, но оставались целинами.

Приходили сюда кочевники казских племен Большого Джуса и смерти схватывались с племенами Среднего Джуса, солдаты землю тотомот копыт... Во времена Великого голода двигались к этим целинам переселенцы в поисках надежды: они достигли река Иртыша и Оби, но в Кулунду не добрались, и она осталась в их воображении, как Жар-птица... Шли сюда и скотоводы Барабы с Сибирского каторжного тракта в поисках хлеба...

Русский царизм делал на Кулунду маленькую ставку. Бесконечную переселенческую лавину двинуло содержание в Кулундинскую неслезиную степь. Здесь, как и в других диких местах России, должны были возникнуть по замыслу Столыпина крупные капиталистические хозяйства — опоры и главные поставщики зерна. Столыпин сам приезжал в Кулунду: стоял кочевников с целин, насаждал хутора, заставлял кулацкие хозяйства золотым дождем: его руками было завоевано в степи тысячю мильродов — Саянгород. Дыхательная энергия этого «аграрного Бонапарта» вызвала изумление во Франции и Англии, его были покорные русские меньшевики и эсеры... Плоды столыпинской реформы оказались чудовищными: она принесла голод 1911 года, охвативший 30 миллионов крестьян. Не стали исключением и кулундинские хутора: они были покорным страшным классовым распадом, эксплуатацией, обнищанием, пауперизацией... Как-то продала столыпинскому и провозглашенное еще более свирепо, чем царь, — шомполами и кровью. Тогда кулундинские хутора восстали. Миротцы бежали из своего гнезда в Омск, а в Саянорде открылся многоголовый съезд Советов. Руководил саянордским Восточным и съездом Советов иркутские рабочие — те, что поднимали коростелевские целины. Оказалось, что посланцы Петрограда не бросили Сибирь и не отказались от ленинской идеи. Единственно съезд выразил свою верность ленинскому делу и земле. Колхозы — расстрелял съезд Советов в полном составе — во главе с президиумом, секретариатом, мандатной комиссией, включая и восточного съезда, семилетнего мальчика, что равновесия бутылки и ладоням делетским. Два месяца шла по хуторам поголовная борьба крестьян шомполами...

Когда вернулась Советская власть за Уральский хребет и укрепилась, не найти было в Сибирии места более горючего, чем Алтай, а в Алтай — Кулунда. Классовые схватки перекатывались по степи из конца в конец. Кулунда на Алтае была отъявленное до наглости и организованное истари: до Советской власти оно создало свою сильную кооперацию — потребительскую, маслодельную, сельскохозяйственную и кредитно-финансовую; имело свои съезды, было связано с банками, вело самостоятельную торговлю с Китаем. У него были свои сельскохозяйственные сады, заводы, фабрики, областники, которые повсеместно возглавляли кулундскую организацию, владельцы типографий, издавали журналы.

Не так просто оказалось сорвать эту самую дикую, самую страшную кулундскую Кулундинскую степь, где было много сельских предприятий: крупных мельниц, маслобоек, крупорушек, — знала батрацкие стачки, борьбу со штрейброкерами, кулацкие лауты, и знала она свойский договор посадить Советскую власть на голыйй паек — хлебную стачку кулаков в 1926 году.

Только с рождением колхозного строя было покончено с сибирской Вандеей. Все это прошлое, но не забытое: имело ли оно какое-либо отношение к тем, что пришли поднимать кулундинскую целину теперь? Он, может быть, и не хотели думать об этом. Но они творили историю, и она заставляла думать.

Еще до того, как начала строиться усадьба Кулундинского зерносовхоза, Никандр Флорентьев, как и другие, работал некоторые время где придется — на железной дороге, в колхозах. И там живо открылся вопрос прошлым, в котором он увидит отблеск отца.

Петр Егорович Флорентьев участвовал на Саянордском съезде Советов как представитель рабочих Урала и имел совещательный голос. Сразу же по открытии съезда он был

упоминан съездом в числе особой группы делегатов ехать в приборные села и формировать там коммунистические ячейки. В одной деревне он был схвачен, но бежал; в другой ему пришлось произносить речь с телен на шею — его чуть было не повесили. Он убежал мужиков, клятвопреступно, что рабочий класс Советской России сам, без капитализма, даст деревне плуги и другие машины для подъема целины. Тут же, у старой березы, на которой еще бродила обрезанная веревка, деревенский сход решил ковать плуги и послать на съезд Советов свою делегацию. Но было уже поздно... Затем Петр Флорентьев ушел в алтайскую партизанскую армию... Через два года он вернулся в ту деревню, где его некогда вешали, в колхоз, двадцатипятилетним. Это и было Перимово.

Трагическая судьба мелендальничка Петра Флорентьева была как бы начертана на груди самой земли. Деревня Перимово уже не существовало на Кулунде: она была сожжена кулаками дотла и вновь погибла двадцатипятилетним Флорентьевым. На пепелище колхоз отстроил новое село, и оно называлось Флорентьевой.

Все было родное, до боли близкое сердцу. Сидя за трактором, Никандр Флорентьев переживал удивительное чувство. Ему казалось, что уже давно, очень давно он шагает эту крепкую землю и что она любит его и рассказывает ему свои глубинные тайны.

Темное, холодное небо висело над землей, и все из него текла вода, смешанная со снегом и ледяной крошкой; свистел ветер, тонко начинала брехать шальная пурга — такой была первая буроза Флорентьева. Вперед с вехой стояла Ирина; направляя трактор на то неподвижную фигуру, то появляющаяся, то

исчезающую в потоках снега, Флорентьев прислушивался к земле; чинской тугой не мог заглушить того, что он слышал и чувствовал: земля вздрагивала, яростно хрюстела; временами казалось, что кто-то живой рычит вслед трактору, под плугами; широко открытые, взорванные глаза Вадима видели Флорентьев; сын поэта был бледен, губы его свешивались, и словно из-под его рук бурлила и кипела золотым кипением агат подштой земли: молодой Флорентьев пожимал Вадима и чувствовал, как в нем самом все сильнее и сильнее раскручивается какая-то пружина и выверивает, выгонит этот агатовый поток откуда-то из темной глубины на поверхность.

И что-то тревожное витало вокруг... После некоего завода Никандр было страшно неприятно не власть товарищей, хотя он знал, что они рядом и их тракторы гудят где-то близко...

И вдруг все преобразилось, словно кто-то поляны занавес. Влажное, теплое, лучистое солнце стояло над степью, и открывался ее необъятная ширь. Даль была нежно зелена и полна движения. Куда хватал глаз, да самого горизонта уходили тракторы, разная черные потоки пахоты, и все степь казалась изумрудным полотнищем, на котором тракторы-челюски медленно ткут необъемлющий узор.

— Никандр, вперед! — кричал Вадим. — Целина — иша!

Трактор шел вдоль бесконечной лесопосадки — грани, за которой оставались колхозные целины. Когда Никандр проходил первую борозду, эта лесопосадка была замечательным снегом и еле видна. И что же видел теперь Никандр? Это было сплошь яблони, и они цели, буйно, густо, словно бы на них все еще лежал снег.

(Окончание следует).

Раф Вальоне и Елена Варци в кинофильме «Дорога надежды».

Джованни Джерманетто

Это и есть Италия!

Студенты московских вузов А. Марченко, Н. Воронина, Ю. Кривцов, В. Гомалко и А. Аронов обратились в редакцию «Смены» с просьбой рассказать, как снимались прогрессивные итальянские кинофильмы. Выполнив просьбу читателей, мы помещаем статью итальянского писателя Джованни Джерманетто.

Прогрессивные итальянские кинорежиссеры и киноактеры работают в чрезвычайно тяжелых условиях. Их борьбу за передовое искусство, за правдивое, реалистичное изображение горькой жизни труженников вынужденной Италии можно без преувеличения назвать подвигом. Трудности, которые встречаются на их пути, — самого разнообразного характера.

По пресловутому плану Маршалла из Америки в Италию ввозятся не только тулуп яичный порошок, гнилая тушенка и калифорнийские мадагдари, но и гангстерская кинопродукция Голливуда. Американская киноакулатура буквально наводняет кинотеатры Италии, вытесняя с экранов фильмы отечественного производства. Итальянские кинодеятели не могут

Раф Вальоне и Елена Варци прослушивают запись смгранной ими роли.

рассчитывать и на достаточный экспорт своих фильмов, так как и за пределами Италии их подстерегает бешеная конкуренция Голливуда. В этих условиях деятельность прогрессивных кинорежиссеров приобрела особо выдающееся значение.

Итальянские зрители любят реалистическое искусство. Им уже до тошноты надоели антидушевные фильмы, подражающие худшим образцам американской кинематографии. Правдивые, полные жизненного драматизма произведения прогрессивных деятелей киноискусства сразу же завоевали широкую популярность среди итальянских зрителей.

Многие хозяева итальянских кинокомпаний, чтобы восстановить свое положение как внутри страны, так и на международном рынке, скрепя сердце время от времени вынуждены обращаться с предложениями к таким режиссерам, как Линциани, Де Сака, Де Салитте и другим.

Тем не менее прогрессивные кинорежиссеры встречают в своей работе постоянные затруднения. На протяжении всех съемок фильма киноменеджеры пытаются оказать давление на постановщиков, ограничивая их замыслы и внося поправки в отдельные сцены. Только упорная борьба постановщиков за свободу творчества позволяет воплотить замысел именно в той форме, которая необходима для правдивого изображения жизни.

Советским зрителям, восхищавшимся искусством итальянских режиссеров и актеров, поставивших «Рим в 11 часов», «Похитители велосипедов», «Два гроша надежды» и многие другие фильмы, трудно представить, какую борьбу пришлось вести нашим режиссерам и актерам с киномонополистами и клерикальной цензурой, которая высала много прекрасных талантов из этих шедевров киноискусства.

Однако сила реалистического искусства прогрессивных итальянских фильмов так велика, что, несмотря на цензурные вырезы, эти произведения остались замечательными художественными документами, правдиво рисующими трагическую жизнь итальянских труженников, их волю к борьбе за лучшее будущее.

В одном из московских кинотеатров после просмотра итальянских фильмов я услышал, как одна девушка произнесла:

— Даже не верится, что играют актеры. Ведь мы видели подлинную жизнь Италии! Юлия москвичка права. Сюжеты многих картин действительно взяты из жизни сегодняшней Италии. Режиссеры очень часто находят исполнителей ролей не среди профессиональных актеров, а просто на улице. Промислившие, которое делало в основу фильма «Рим в 11 часов», известно по всей Италии. Сюжеты фильмов «Нет мира под оливками» и «Под небом Сицилии» также написаны сценаристами на основе реальных фактов.

Что касается картины «Похитители велосипедов», то только сюжет взят из жизни безработных, но и главную роль исполнил безработный металлист Маджорани. Кто лучше его смог бы показать нищету и муки миллионов безработных итальянцев!

Известный ныне киноактер Раф Вальоне был до недавней поры со-творителем выдающей газеты «Энгит» в Турине. Его артистическая деятельность началась довольно любо-

пытно. Близ Версали, в области Пьемонте, снимался фильм «Горький рис», в котором участвовала большая группа крестьян этой местности. Вальоне по заданию редакции перехал туда, чтобы опознать ход съемки. Как раз в это время потребовался исполнить одну из второстепенных ролей, и режиссер попросил журналиста «вырваться» его. Вальоне сыграл так убедительно, что режиссер больше не отпустил нового актера. Зрителям, видевшим «Нет мира под оливками», «Дорогу надежды» и «Рим в 11 часов», оценят по достоинству незаурядный талант Вальоне.

Молодую девушку, которую мы видим в первых и последних кадрах картины «Рим в 11 часов», играет член Коммунистического союза молодежи Италии Ева Ваннек, до недавней поры продавщица магазина.

Характерно происходит съемки массовых сцен. Когда фильм снимается на улицах какого-нибудь города или деревни, собирающиеся вокруг люди являются далеко не праздными любопытными. Ре-

Кинорежиссер Марио Линциани рассматривает макет декорации к фильму «Хроника бедных влюбленных».

жиссеры часто объясняют присутствующим содержание массовой сцены, и люди часто помогают исполнить замысел постановщика.

Так было снято много массовых сцен в фильме «Неаполь — город миллионеров». Когда при скрывавшем Неаполя снимали сцену облавы, которую устроили фашисты, постановщику почти не повяло было «инструментировать» людей. Все она еще хорошо помнила налеты фашистов на кварталы неополитанской бедноты и поэтому прекрасно справился со своими ролями.

То же произошло при съемке картины «Под небом Сицилии». Этот фильм повествует о жизни одного из немногих честных судей Сицилии, пытающегося противопоставить правозащитные действия преступной «мафия» — реакционной террористической организации. Режиссер воспроизвел несколько эпизодов, которые были хорошо известны насамому городу, где служил прототип главного героя картины. При съемке массовых сцен жители от души приветствовали актера, игравшего роль честного судьи. Рабочие и крестьяне вос-

пользовались случаем, чтобы еще раз выразить публично свою ненависть к угнетателям...

Зрители, очевидно, помнят кинокартину «Дорога надежды», главную роль в которой играл Раф Вальоне. Фильм начинается кадрами, повествующими о забастовке шахтеров на северах рудных Сицилии. Хозяева собираются закрыть рудники и уволить рабочих. Тогда шахтеры решаются остаться своей ишнейской зарплатой и отказываются выйти наверх из рудника. Им грозит мучительное пребывание под землей, возможно, и смерть. Жены, дети, родные шахтеров собираются у входа в шахту, умоляют их оставить рудники, не рискуя собой.

Весь этот трагический эпизод был снят на месте забастовки с участием населения, не раз уже выступившего в защиту своего прада на труд и хлеб.

Другие эпизоды этого фильма снимались в центральной части Италии, где в это время бастовали батраки. Многие из них режиссер привлек к съемкам.

Много массовых сцен других прогрессивных итальянских фильмов было также снято с импровизированными «актерами». Это стало возможным лишь потому, что широкие слои итальянских труженников знают режиссеров Де Сика, Де Сантиса, Лицианни, актеров Джиротти, Вальоне и многих других как народных художников, служащих своим искусством народу. В то же время прогрессивные киножурналисты и киноактеры пожимают, что без народа нет и не может быть настоящего художественного творчества. В своих фильмах они стараются наряду с нищетою и страданиями народных масс показать всему миру высшие моральные качества и героизм итальянского народа, который уверен в успешном исходе своей борьбы за новую, лучшую жизнь.

Прогрессивная кинематография достигла своих успехов именно потому, что она правдиво изображает жизнь народа.

Реакционные правители Италии всеми средствами препятствуют творчеству прогрессивных киноделателей. Они запрещают им сотрудничать с киножурналистами и киноактерами Советского Союза и стран народной демократии. Они не разрешают показывать прогрессивные иностранные кинокартины на экранах Италии. Но, несмотря на все эти маневры, итальянцы восторженно встречают советские кинокартины и фильмы стран народной демократии, проникающие в Италию. Когда демонстрируются эти фильмы, у входов в кинотеатры выстраиваются огромные очереди.

Для Италии это — довольно редкое явление. (Надо иметь в виду, что в Италии принята система непрерывных сезонов, во время которых можно ходить в зал в любой момент и посмотреть фильм несколько раз.)

Заявление советского кинорежиссера Александрова о том, что советские киноделатели готовы сотрудничать в совместных постановках с киноделателями других стран,

Ева Ваничук еще недавно была production-ей. В картине «Рин в 11 часов» она сыграла одну из главных ролей.

вывало живейший отклик среди наших прогрессивных кинорежиссеров и киноактеров.

Эдуардо де Филиппо, исполнитель главной роли в картине «Неаполь — город миллионов», заявил, что он от души приветствует перспективу сотрудничества с советской кинематографией. Кинорежиссер Киото Лицианни сказал: «Любая возможность совместной работы с советскими киноделателями может быть безоговорочно принята нами. Это было бы высшей оценкой нашего реалистического киноискусства, что особенно лестно для нас, ибо она пришла бы из страны самого передового киноискусства».

Известный режиссер Луккино Висконти заявил, что такое сотрудничество прогрессивных киноделателей могло бы быть сейчас же реализовано постановкой картины «Война и мир» с участием русских, итальянских, французских и немецких актеров. «Всемирно известный роман Толстого», — говорит Висконти, — сейчас, когда решается вопрос о войне или мире, особенно актуален. Кроме того, русско-итальянское сотрудничество на поприще кино дало бы возможность поставить интересные фильмы о пребывании в Италии Гоголя и Горького».

Перевел с итальянского Б. ШЛЕЙФЕР.

Эта сцена снималась на рынке в Италии (фильм «Два гроша надежды»).

ОПАСНАЯ ФАМИЛИЯ

Когда некий американец по имени Эд садился на пароход, чтобы совершить поездку по странам Западной Европы, мог ли он предвидеть, что его турне вызовет сенсацию и даже перелом, что о нем будут писать газеты и что, самое главное, европейцы откровенно начнут выражать по отношению к нему, бесвестному туристу, свою неприязнь?

В чем же дело? Оказывается, всего лишь в том, что мистер Эд носит фамилию Манкрати...

Уже первое посещение в столице Франции посылу министру Эдуниного хорошего. Эда Манкрати ждала на парижском вокзале группа приятелей. Чтобы не разминуться с приезжими в вонзальной суматохе, они попросили администрацию вокзала сообщить по радио, что американского гостя в условленном месте встречают его друзья. Однако администрация наотрез отказалась выполнить эту просьбу — она опасалась, что тысячи находившихся на вокзале людей, услышав о прибытии в Париж американца Манкрати, бурно отреагируют на такое сообщение.

В гостинице, где Эд остановился, служивший персоналом «но деловитости» никогда не обращался к гостю. При оформлении паспорта чиновники снисходительно «продирали чувства», которые вызвали одно лишь упоминание фамилии руковождицы пресловутой сенатской комиссии «по расследованию антиамериканской деятельности», стола американского фашизма и марионетского сенатора Дино Манкрати.

Та же история повторилась в Кюнгенгагене. При обмене валюты Эду надо было назвать себя. Ему пришлось несколько раз повторить свою фамилию, прежде чем чиновники вышли из состояния легкого шока и смогли выдать злополучному одиофангальцу необходимую сумму. Эд Манкрати почувствовал на себе такие выразительные взгляды огулающихся, что предвещают поссорить деньги и ретироваться, «прежде чем дело дошло до каких-нибудь более отчетливых выражений чувств».

Эду Манкрати не осталось ничего иного, как по мере возможности утаивать свою фамилию. Если же называть себя было необходимо, то он произносил нечто незлыно-раздельное.

Удрученный всеми этими переживаниями, Эд Манкрати поспешил вернуться на родину. О своих злополучных в Европе он рассказал корреспонденту газет «Нью-Йорк геральд трибюн». В беседе Эд порекомендовал всем своим одиофангальцам, собирающимся в Европу, утаивать его починный опыт и стараться, хотя бы на время пребывания в Европе, подыскать себе какую-нибудь другую, «более удачную» фамилию, так как эта стала синонимом чести, мерзости и вызывает у всех честных европейцев, как, впрочем, и американцев, чувство отвращения.

Цзян Чжао-хэ. «Стража на реке Ялу».

ГРАФИКА НОВОГО КИТАЯ

Китайский народ, история которого развивалась в течение многих тысячелетий, ныне создает новую культуру и новое искусство, теснейшим образом связанное с жизнью. Оно служит народу, глубоко и разносторонне изображает его борьбу за свободу, мирное строительство, новые взаимоотношения между людьми.

Графика нового Китая наиболее полно отражает сегодняшний день. Это искусство массовое, боевое, пропагандистское. Граворы, плакаты печатаются в Китае миллионными тиражами и имеют широчайшее распространение. Нет ни одного Большого или малого события в жизни страны, которое не отразилось бы в графике, особенно в гравюре.

Ночь, ветер, красные отсветы пожаров. В небольшой бурной реке по плечи в воде стоят бойцы, поддерживая доски, по которым переправляются их товарищи. «Живой мост» — так называется эта гравюра художника Гу Юаня, рассказывающая о героическом подвиге китайских солдат. Гравюра была создана еще во время борьбы Народно-освободительной армии с гоминдановцами.

Когда смотришь на это замечательное произведение, вдохновенное, романтически-приподня-

тое и вместе с тем необычайно сильное по своему художественному воздействию, чувствуешь, что молодое китайское искусство уже внесло огромный вклад в сокровищницу мировой культуры.

«Как непреступная крепость, стоял прежде на горе каменный дом помещика. По закону народной власти имущество богачей передается народу. Крестьяне читают, оживленно обсуждая, указ о конфискации помещичьего дома. Автор этой гравюры художник-коммунист Янь Хань одним из первых откликнулся на призыв Мао Цзэ-дуня создать произведение, близкое и понятное народу. Многочисленные гравюры этого мастера посвящены самым разнообразным темам, волнующим каждого: борьба за мир, выборы народных представителей, новому закону о браке.

Огромной популярностью в Китае пользуются лубочные картины, выполненные чаще всего в виде цветной гравюры на дереве.

Лубок, или «яньхуа» (что значит — новогодняя картина), — одна из самых распространенных форм народного китайского искусства. По старинному обычаю все дома к новогоднему празднику украшались такими картинами с изображением богов — покровителей жилища, различных аллегориче-

ских пожеланий долголетия, счастья, богатого урожая.

Современные китайские художники использовали эту старую народную форму для пропаганды новых идей, выраженных в простых, понятных образах.

Первые лубки с изображением различных сцен из жизни народа были созданы художниками еще в период антияпонской войны. В пещерах Яньян, где находился боевой штаб китайской революции, работали писатели и художники, закладывая основы новой культуры Китая. Многие современные деятели культуры и искусства получили политическое и художественное образование в Академии художеств имени Лу Синя, существовавшей в Яньяне. В своих произведениях они рассказывали о повседневных событиях, понятных каждому.

Нынче лубочные картины украшают жилища крестьян и рабочего Китая не только к Новому году, но и к каждому празднику. Многие неработники они просто замечательны. Лубок художника Чэн Син-хуа прямо иллюстрирует закон о земельной реформе: на большом листе напечатан текст, а на полях изображены крестьяне, обрабатывающие помещичью землю. Художник Гу Цюнь показывает выборы в деревне, в которых принимал участие все население.

Так художники Китая нашли наиболее доступный для самых широких масс вид искусства, живо откликающийся на все события дня. В 1950 году в создании лубков участвовало более четырехсот художников.

Гу Цюнь. «Выборы в деревне при помощи боецов».

Многие графики Китая творчески осваивают опыт работ советских художников. Особенно значительное влияние оказало советское искусство на развитие китайского лубка.

Большое мастерство, теснейшая связь с жизнью, политическая актуальность — все это делает графику нового Китая выдающимся явлением современного мирового искусства.

Необычайно высокая техника цветной гравюры на дереве, история которой в Китае насчитывает несколько тысяч лет, дает возможность прекрасно воспроизводить в печати произведения китайской живописи.

Одна из особенностей старой китайской живописи — на санях шелка или бумаги, в частности живописи тушью, — применение богатейших оттенков красного и того же цвета. Мастерское владение этим техническим приемом позволяет убедительно передать

дрожащие влажного воздуха, дальние горы, тающие в серебристом тумане, то есть все те черты, на которых складывается неповторимое очарование, поэтичность лучших китайских пейзажей. До последнего времени при традиционном воспроизведении эта легкость, воздушность, тонкость переходов акварельной живописи терялись.

Нынче китайские мастера гравюры на дереве после многочисленных опытов достигли больших успехов в воспроизведении картин старых и современных китайских художников.

В Пекине, например, работает художественная мастерская «Жунбаочжай», широко популяризирующая среди трудящихся национальное искусство Китая. Мастера-гравюры копируют картины знаменитых художников, затем на досках из стволы дикой груши вырезают печатные формы и делают оттиски стойкими красками, сколько их в оригинале. При печатании употребляются те сорта бумаги и те самые краски, которыми пользовались живописцы. Таким способом печатаются картины современных художников — Ци Бай-ши, Жянь Бо-люя, Ма Цзяня и многих других.

В традиционном манере работает старейший художник Китая Ци Бай-ши, которому исполнилось 94 года. Этот выдающийся мастер живо и тушь передает особенности животных, насекомых, растений, воссоздавая родную природу через единственный, конкретный образ. Несколькими мазками кисти, лаконично и вместе с тем очень жизненно рисует он

увядший лист банана, хлопотливую курицу с цыплятами, резающих рыбок.

Большое влияние представляет творчество Цзя Чжао-хэ, ученика Ци Бай-ши. Созряжая своеобразную китайскую манеру живописи тушью, он добивается огромной силы выразительности живописи, реальных образов людей. Одна из последних его работ, «Стража на реке Ялу», в дни героических боев в Корею звучала как ответ всего китайского народа американским агрессорам.

Разнообразие приемов, богатство образов принесло китайской живописи и графике большую славу.

Мы, советские люди, восхищаемся произведениями старых мастеров и приветствуем замечательные достижения нового искусства, ярко, глубоко и разносторонне отражающего жизнь великого китайского народа.

Н. НИКОЛАЕВА

Гу Юань. «Живой мост».

Чжань Бо-лунь.

«Кролики».

Ма Цзянь.

«Собака».

Ци Бай-шань.

«Птица».

Ма Цзянь.

«Тигр».

— Живой будешь, рассказы про это...
(Мересьев—артист Т. Лондон, девушка—артистка Л. Чарновская.)

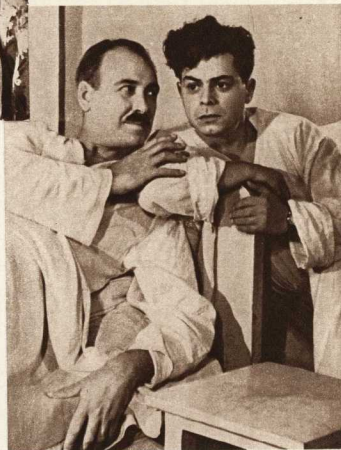
— Все самое страшное уже позади... Вам теперь жить да жить!
(Мересьев — артист Т. Лондон, Клавдия Михайловна — артистка И. Скобелова, Зюев — артист Л. Васягин.)

— Вы будете танцевать, Алексей Петрович!
(Мересьев — артист Т. Лондон, Зиночка — заслуженная артистка МАССР Н. Кюнаязова.)

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЯ
«НАСТОЯЩИЙ
ЧЕЛОВЕК»

В ПОСТАНОВКЕ ДЗЕРЖИНСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА
ИМЕНИ XXX-ЛЕТИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

— Ты же советский человек, Алеша!
(Мересьев — артист Т. Лондон, комиссар — артист В. Мачисов.)

фото М. Демиховского.

— Буду! Буду, черт побери! Все буду — и ходить, и на волосишке кататься... и бегать, и летать, и воевать! Клянусь вам, товарищи полковой комиссар!
(Мересьев — артист Т. Лондон.)

НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

На сцене больничная палата. Где-то за окном надвигается sireна воздушной тревоги. На одной из коек лежит летчик Алексей Мересьев. Тяжелое ранение приковало его к постели.

На лице юноши мучительное раздумье, тревога: сможет ли он преодолеть свой недуг, вернуться к любимому делу, встать в строй бойцов, ведущих ожесточенное сражение с врагами Родины?

— Мересьев внимательно смотрит на лежащего рядом комиссара Воробьева. И вдруг тот тихо произносит:

— Не робей, Алешка... Раз пошел в атаку, с полдороги не поворачивай назад. Ну, а если невмоготу, песню затяни, помогай. Эй, брат, с песней всю жизнь прошел...

Комиссар, преодолевая боль, начинает петь. И вот в голос подпевающего ему Мересьева уже слышится решимость и упорство.

Мужайся, товарищ,
Не трусь никогда,
Отвежну сердцу
Беда — не беда!

Те, кто находится в этот вечер в зрительном зале, вместе с героиним спектаклем становятся свидетелями мужественного, героического подвига настоящего советского человека, пережили горечь утрат, радость побед. А когда опустился занавес, зрители, взволнованные встречей с давно любимыми героями книги Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», горячо поздравили режиссера Ф. Лещенко, исполнителя главной роли и автора инсценировки Теодора Лондона и всех актеров с большой творческой победой.

«Наш театр» — эти слова сейчас часто можно услышать в молодом социалистическом городе Дзержинске, выросшем там, где когда-то была захолустная деревенька Растяпино. В 1946 году держинцы торжественно отпраздновали рождение своего драматического театра. Молодежь трудилась на предпринятых работах, строила его дома, создавала проспекты, скверы.

И не случайно одной из первых постановок театральной коллектива была инсценировка романа А. Фадеева «Молодая гвардия». Задача в городе решилась: строить новое помещение для театра, перемани на этот призыв откликнулись юноши и девушки. Руками комсомольцев в тенистом парке было воздвигнуто большое, украшенное колоннадой и скульптурами здание.

В день, когда наша страна отмечала XXX-летие ВЛКСМ, впервые распахнулись двери нового театра, который получил имя Ленинского комсомола.

Выступая на торжественном вечере, режиссер Ф. Лещенко от лица творческого коллектива сказал:

— Нашим ответом молодежи города будет создание героического спектакля о тех, кто сидит сегодня в зрительном зале, кто совершает чудесные подвиги во славу народа.

И вот сейчас это обещание выполнено: театр поставил спектакль «Настоящий человек».

...Мысль создать пьесу по книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» возникла у Теодора Лондона сразу же после выхода повести. Его увлекла героическая судьба отважного летчика.

Перечитывая книгу, он все больше убеждался, что ему следует попытаться воплотить свой замысел не только как драматургу, но и как актеру.

Обычно зритель видит на сцене лишь результат труда актеров, режиссера, художника. Подчас кажется, что сама собой пришла легкость и точность исполнения роли, без особых усилий возник тот необыкновенный творческий подъем, который отличает подлинное произведение искусства. Но держинцы хорошо знали, как много трудностей преодолел коллектив театра на пути к заветной цели. Некоторые из них сами были свидетелями и участниками создания этого спектакля.

Весть о том, что театр готовит пьесу об Алексее Мересьеве — любимом герое советских людей, — облетела весь город. В театр стали приходить незнакомые люди и предлагать помощь. Инженер Горьковский принес утюг, сохранившийся у него еще со времен войны.

Старый хирург Платонов пригласил актеров к себе и поделился воспоминаниями о работе в госпитале в годы войны.

Уже давно шли репетиции спектакля, уже были подготовлены отдельные сцены, но для актеров, режиссера все еще оставалось несмысленным, как показать перелом в жизни Мересьева, когда он, поборов отчаяние, начинает верить в то, что сможет вернуться в строй. Правильное решение подсказал старый мастер одного из заводов, Федор Алексеевич Резников. Большой любитель театра, он часто присутствовал на репетициях. Видя, что у актеров не получается этот эпизод, он подошел к Лондону.

— Во всяком деле бывает заминка, но сдаваться нельзя, — ободряюще сказал он. — Раз пошел в атаку, с полдороги не поворачивай назад. Ну, а если невмоготу, песню затяни, помогай. Я это еще по гражданской войне знаю.

Резников запел. Он знал еще один куплет красногвардейской песни:

Мужайся, товарищ,
Не трусь никогда,
Отвежну сердцу
Беда — не беда!

Постановщики решили использовать песню и слова старого рабочего в спектакле. Теодор Лондон дописал к пьесе несколько куплетов, подобрал музыку.

И сразу в эпизоде все стало на свое место. Слова красногвардейской песни, которую подхватил Мересьев, помогли ему вернуться в строй.

Вот уже около года спектакль «Настоящий человек» — прекрасная повесть о мужестве и героизме советских людей — идет на сцене Дзержинского драматического театра имени XXX-летия Ленинского комсомола. Зрительный зал всегда переполнен.

Здесь можно встретить и рабочих, и колхозников, и студентов, и школьников. Спектакль помогает людям в жизни, зовет на подвиг.

«Недавно у нас было комсомольское собрание, на котором зашел разговор о мужестве и стойкости», — писала в театр молодежи одного из заводов Дзержинска. — Мы ставили в пример тем, кто не умеет бороться за свою мечту, кто боится трудностей, героев «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, мы напоминали им слова песни, которую пел в спектакле Мересьев.

Очень хотелось бы увидеть на сцене нашего театра и других настоящих людей, которыми так богата Советская страна.

В. ГОРХОВ

Ибрагим ИБРАГИМОВ

ПЕСНЯ ДРУЖБЫ

Ночь белая, как молоко,
За стеной звучит роком.
И с каспийским ветерком
Улетает песня вдалеку.

Ветеру ночному улет
Улетает песня звук.
Хорошо поет сосед,
Хорошо поет мой друг.

Русский пареня
Вместе с ним
Мы на прымеле с утра
Земля черную бурим,
Буровые мастера.

Я знакомые слова
Подпеваю другим в тон —
Про народные права,
Про великий наш Запов.

Песни ширится размах.
Мы сегодня об одном
На различных языках
Песню братскую поем.

Песня льется.
Так поют
В дружбе верные сердца.
Вспомни я и угрюмый труд
Молчаливого отца.

Земля скреб тупой сохой,
Дрельной сплутиней хрестьян,
И потом скупой сельхоз
Завесал взаимен семьям.

Никакой его закон
Никогда не охранял,
И людей других племен
Он другим не считал...

Слова песни взлет курью
Прерывает мысль мою.
Том в одежде золотой
С книжной полки достаю.

И, раскрыв его едва,
Я встречаю сразу в нем
Те же самые слова,
Что и в песне мы поем.

За окном родной Ваку
Разбросала свои огни,
И горят на берегу,
Словно братья звезд, они.

Авторизованный перевод
с азербайджанского
Анисима КРОНГАУЗА.

ИСТОРИЯ ИХ ЛЮБВИ

Главы из романа «Вечная мерзлота»

ЧТО ПРИВЕЗ С ФРОНТА ВОЛОДА ДУБРОВИН

В мае, в торжественные дни победы над фашистскими захватчиками, вскрылась река. Она впадала и посылала свои ледяные слои в то необыкновенно тепло, без бурного половодья, с которым повсюду весной оживают реки. Лед сошел — и сразу резко потеплело.

«Всена вступает в зенит», — записывал в фелогический дневник Забавников. «Воссто цветет богатылик на сопках» — они подмывают огнем, будто обвалил их спирт и дождик. Сегодня первый раз слышно было кукование кукушки. «Скоро придет Волода, Володочкин!» — это не зависало, это про себя.

Сергей Кузьмич выходил на станцию и по долгу простаивал на платформе, глядя, как с запада на восток непрерывно идут воинские эшелоны. Это было нечто вроде парада советской военной силы перед самым дальним тылом страны, так много потрудившаяся для победы. На платформах проносились пушки с длинными и короткими стволами, спрятанными в чехлы; самолеты — стреловидные, штурмовики и бомбардировщики, «як-108» — змриные с виду ястребы рельсов, вздернутые кверху; танки и оляты пушки... Снова танки и оляты «кактошь». А со всем этим громадным оружием мчались на восток эшелоны с ранеными, бойды и крепких людей, взбодороженных своей победой над фашизмом.

...Мимо стоявшего в стороне Сергея Кузьмича проебала, грохая тяжелыми сапогами и валиком шинком, дочерка загорелая, голубоглазая. Бросил взгляд на Забавникова, боец неожиданно остановился, — ему, видимо, захотелось приобидеть несвоего одного старика. Не вырубил, вапана, — теперь уж мы делаемся дружно, — угнетая ружьем расширенное лицо. — Видишь, сколько нас? Надеюсь, вам тут сумрака, правда?

— Надеся, сынок, — улыбунился Забавников. — Вот и настало время заглядеть на парашютиста на все... И катанеша осолоблила в нас, дальневосточников, кубаном от парашютого соседа... Ты кто жельш?.. Не сына ли?

— Зять, — не сразу ответил старик и пожаловался: — Нет и нет... Вся война не виделась.

Придет, завтра или на днях встречай, — пообещал солдат и побоежал дальше.

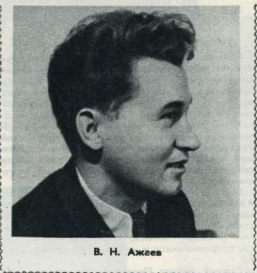
«Волода не приехал ни завтра, ни на днях. Сергей Кузьмич уже отчаялся его дожидаться, когда пришла телеграмма: выехал. Забавников предположил встретить зятя втихомолку, в одиночку. О володиной телеграмме он не сказал никому, даже немногочисленным своим сотрудникам. Но они сами откуда-то узнали о приезде Дубровина и начали потворять к встрече. А за час до прихода скорого на трех машинах прикатили во главе с секретарем райкома Белоусовым гости из района. Когда они свалились в лабораторию, старик растерялся и никак не мог понять, зачем пожаловало начальство.

Белоус заметил замешательство профессора и вразил руками:

Ничего не поделалеш, Сергей Кузьмич. Ваня отгулял, зять стал за войну большим человеком: первый раз на весь район! Вы уж простите — помешал на первый слухай.

Встречал Володо большой, шумной толпой. Едва Дубровин появился из вагона, его сразу обступили, отделив Сергея Кузьмича.

Но Волода, еще со ступенек вагона увидевший Забавникова с его неизменной широколобой китайской шляпой, уже пробивался к нему, торжественно вынул ружье и начал торжественно встречивать. Сергей Кузьмич очень порадила перемена, происшедшая в Дубровине: три с половиной года назад он провозжал с этого вагона совсем молодого человека, почти юншучу, порывавшего и застенчивого, вернувшегося из уланского батальона. Его во-

В. Н. Ажбеев

все не смутила многолетняя торжественная встреча. Волода, в свою очередь, с горечью про себя отметил, как постарел, осугулился и вроде бы пригнулся к земле его старый друг и наставник. Очтывшись в объятиях Дубровина, Сергей Кузьмич весь зарделся от слезливо-восторженных рыданий.

— Не надо, родной, не надо, — прошептал ему Волода на ухо, еще крепче обнимая за плечи.

* * *

Едва рассвело, старик уже был на ногах. Ему не терпелось пойти к Володе, и он с трудом сдерживал себя, понимая, что приезжому надо основательно отдохнуть после долгой и трудной дороги. Но Дубровина не оказалось в доме: он, как видно, тоже провел бессонную ночь.

Фетисов, понимавший Сергея Кузьмича без слов, подказал:

— Он у реки, его там выдали.

Дубровин и в самом деле сидел на берегу реки среди кустов будто цветущего шиповника.

Старик подошел, подворовался, и Волода сразу сказал, словно продолжая разговор:

— Еще никогда не была ऐसा такая праздничной, такой пышной! Или это мне кажется?.. Пожалуй, это мне кажется. За все эти годы я не видел, не замечал природы — ни весны, ни цветов, ни птиц... Уосмежулился и покачал головой. — Совсем разучился смотреть на лес как на место прогулки, где так приятно пройтись с ружьемком. Он дня нас был только местом расположения батальона или полка. И река представлялась только рубежом, преградой, которую надо было взять во то бы ни стало... Волода вдруг дорободнучо улыбунулся: — А хороню!

— Да, здесь хорошо, здесь очень хорошо, — согласился Сергей Кузьмич.

— Все навестрывается в природе, никакие бурны, потрясения и жертвы ей ничемны. Я горжусь: хорошо, что все эти красоты... Волода широко повел рукой, — мы отстояли для себя.

— Ты так говоришь, будто войне конец. А она продолжается. И, может быть, через неделю или уже завтра на эти дикие розы, на эти сад и на нашу лабораторию уахнут бомбы врага. Потом, конечно, все навестрывается. Снова расцветут розы — такие же или еще пышнее; кто-то восстановит сад — еще красивее и лучше. И ты, вернувшись с новой победой, построишь вместо лаборатории целый институт.

— Ну, нет, Сергей Кузьмич, — возразил Волода. — Бомбы на эту землю и на лабораторию не уахнут, ружьями! После гитлеровцев самура для нас не сила.

Волода, уложившись о шипы, оставил попытку сорвать несколько цветков. Старик вынул нож, аккуратно срезал ветки с розами, твердыми лпальцами обломал колочка и поддал бутылку зятю.

— Подем завтракать, — сказал он и вздохнул.

Он шел к дому и говорил о чем угодно, только не о том, о чем оба думали неострожно. Держа перед собой цветы, Дубровин смотрел на них с пристальным вниманием, будто на живого человека, и рассказывал, как празднично была Москва Дня Победы. Сергей Кузьмич украдкой поглядывал на него и спрашивал себя с возмущением: почему Волода не решается затворить о горе?

После завтрака они вышли в сад покурить. Поймав тревожный взгляд старика, Волода не мог больше уклоняться от разговора о самом главном.

— Вот сидим мы с вами, Сергей Кузьмич, и я все не могу отделиться от ощущения: нас не две, а трое. Она вышла на минуту и сейчас вернется. Подемте...

Забавников узнал чмокинг Шуры, едва Волода снял с него чехлы с этим чмокином он отправил дочь на фронт.

— Вот и все, — тихо сказал Волода. — Добрые люди неберегли все, что осталось. Теперь вы понимаете, почему я задержался. Я не мог вернуться к вам, не развяскал ее могилу...

Он вынул из чемодана шивель. Ее шивель! Она была порвана в нескольких местах, на грубом сукне темнели пятна. Ее крош! Сергей Кузьмич безмолвно припал к шивелю лицом.

Волода старался не смотреть на старика, разбирал шурны вещи — до этого момента он не посмел коснуться их. Достал два летних платья, ни разу не пригодившиеся Шуре в походе. В чемодане нашлось место и для книг — Дубровина гуадел подержали ни Шура томля Лермонтова и истрепанную без обложки книгу «Как закалялась сталь».

Волода передал Забавникову шурны орден — Славы и Отечественной войны. Забавников деловал орден и плакал, уже не сдерживаясь:

— Доченька моя... доченька... Как жить без тебе!

Дубровин, сам едва не плача, старался, как мог, успокоить старика.

— Вот карточка, Сергей Кузьмич... На бледной любительской фотографии Шура была снята незадолго до смерти: в маскировочном халате, с автоматом в руках, она сурово всматривалась в заснеженную даль, простиравшуюся перед ней. Сергей Кузьмич взял другую фотографию: под большим известным деревом стояла каменная плита с высеченными на ней звездой и надписью: «Комсомолка Шура Забавникова отдала жизнь за Советскую Родину. Вечная слава героине Отечественной войны!».

— Ее товарищи передали мне вот это, — сказал Волода и протянул старку пожелтевшую газету.

Старик расплазался перед глазами Сергея Кузьмича, только посредине полосу он еле различал неясный портрет Шуры.

— Я ничего не вижу, — вернул он газету Дубровину. — Про не, да? Рассказки.

— Семнадцать раненых бойцов валялись в газету о том, как она вынесла их с поля боя и укрыва в овраге. С превеликим трудом развяскала машину, вместе с шифером перенесла в нее раненых. В этот момент к оврагу подошли отряд фашистов. В перестрелку шифер был убит. Шура отним из автомата отогнала врагов и сама выехала раненых.

— Все умела делать, — прошептал Сергей Кузьмич. — Поминишь, учалась водить машину? Я она уахла: «Не женское это дело! Зачем тебе?»

Она улыбалась: «Может быть, пригодится».

И верно, пригодилось... Что же ты молчишь, Володя?

— Я был в ее полку. Мы много, оказывается, не знали, Сергей Кузнецкий. Она была равна трижды, скрыла от нас. Под Курском чуть не умерла, раненая. А в голову и в грудь дого пролежала лежать в госпитале.

Дубровин отвернулся к окну и усмехнулся.

— Говори, Володя, — потребовал Сергей Кузнецкий.

— Погибала под Варшавой. Попала в засаду. Ее отбили уже мертвой. С двумя бойцами она успела уложить десант фашистов... Под Варшавой я начал искать ее могилу. Мне пришлось вернуться: так ее провели через Польшу и похоронили на нашей земле у пограничного села. Нам тогда поставили боевые товарищи и местные крестьяне...

— Говори, Володенька, я должен знать все.

— На ее имя в полк приходило много писем со всех концов страны. Некоторые я захватил.

Володя показал старику пачку писем. Они стали вместе просматривать их и нашли в одном из конвертов незакоченное письмо Шуры группе сибирских школьников: «Вы спрашивали, что я даю мне, сделавшая насилие с ее стороны? Я вам отвечаю: любовь к Родине. Когда я уходила на фронт, старик-отец сказал мне и моему мужу: «Наше поколение завоевало свободу и будущее. Теперь вы, наши дети, должны стоять за наши спины. Мы отдаем свою свободу и свое будущее — верьте в это, мои юные друзья...»

Забавников неподвижно сидел, близко перед глазами держа вырванный из тетрадки лист бумаги, помечтый и залаченный землей. Он уже не понимал, что говорит ему Дубровин, хотя и слышал негромкий и печальный его голос, будто доносившийся откуда-то издалека.

Дубровин взглянул на Сергея Кузнецкого и посылку выпнул, оставив на столе с вешками дочери. Он бесцельно расхаживал по дому, а потом все-таки зашел в комнату, где перед войной прожил с Шурой около года. Сесть на него смотрела Шура, она смеялась и как бы спрашивала: куда это он уезжал так надолго?

Володя закрыл лицо руками и не по-мужски громко заплакал, но в силах было слезящими горестных чувств, которые без конца копилась и копилась в его душе с тех пор, как он узнал, что Шуры уже нет на свете.

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Строительство новой транзитной железнодорожной магистрали началось в том месте, куда шла к концу работы на вторых путях действующих дорог Дальнего Востока. Четыре года трудилась здесь строители и, по сути дела, заново создали магистраль длиной около четырех тысяч километров от станции Кармышка в Забайкалье до Владивостока.

Раньше страну с Тихим океаном соединяла «однопутная» поездка подолгу тянулась по единственной нитке и порой неделями простояла на станциях, поджидая, пока боками на лошадях подвезут воду для паровозов.

На строительство приехала правительственная комиссия принимать готовые перегоны, мосты, депо, вагоноремонтные пункты, мастерские, клубы, больницы, детские учреждения, жилые дома. Начальник строительства, чтобы облегчить кропотливый труд комиссии, организовал несколько рабочих групп из своих инженеров. В одну из таких групп он включил Дубровина, вызвав его для этого с трассы новой магистрали.

После тщательного осмотра всех сооружений и внимательного изучения технической документации вторые пути железных дорог Дальнего Востока были приняты с отличной и хорошей оценкой качества работы.

Но на одной станции правительственная комиссия отказалась принять большой жилой дом. На первый взгляд, все было хорошо: дом как дом — стены, окна, крыша. Член комиссии доктор технических наук профессор Забавников, постукая по цоколю металлической палочкой с молотком вместо рукоятки, насмешливо сказал, что не дал бы сейчас за этот дом и трех рублей, хотя он обоешен в сотни тысяч.

Представители строительства, в том числе и Дубровин, из всей комиссии больше всего не

забыли именно этого маститого инженера; они считали его несправедливым и злым. Он и казался злым: неприветливое лицо с глубокими морщинами на лбу и у рта, жесткий седой бобрик на кривой голове, серого цвета. Старик все замечал, ко всему цеплялся и беззащитно высказывала неприязнь прямо в лицо.

— Чем вам не приглянулся домик-то? — спросил Дубровин с вызовом.

Забавников указал металлической палочкой на почти невидимые глазу трещины во всех четырех углах здания.

— Вечная мерзлота скоро сломает ваш домик, ибо фундаменты поставлены неправильно.

— Дом нужен железнодорожникам, они ждут его с нетерпением, им негде жить, и они скажут спасибо строителям. Но вам они не скажут спасибо, если вы задержите сдачу дома, — сказала Володя запальчиво.

Забавников посмотрел на молодого инженера и ответил:

— Я о них и беспокоюсь, о железнодорожниках. Надо, чтобы они в этом доме могли жить долгие годы. А им придется лет через пять искать другое жилье.

— Почему? — спросил Володя.

— Вы давно на стройке? — встретил старик вопросом вопрос.

— Предполагаю, недавно. Ну и что?

— Да то, что вы не успели еще ничего построить. Это меня успокаивает. Когда вам постройте самостоятельно строит дом, учтите: внизу вечная мерзлота, и ее надо уметь побороть. Этот ваш домик неправильно построен.

Представьте себе мерзлую чашу, на края которой поставили дом без всякой хитрости, так есть на обыкновенном фундаменте. Край чаши начинают таять, и дом оказывается без надежной опоры, он трескается, затем разваливается.

Володя прослушала в институте две-три лекции о вечной мерзлоте, имел о ней кое-какое представление, но, как и многие инженеры, не сталкивавшаяся с ее причудами в полевую, считал все страхи перед вечной мерзлотой надуманными.

— Что же за необыкновенный фундамент надо было поставить? — не скрывая удивления, спросил он. — Каждый инженер знает, что такое фундамент.

— Оказывается, вы не знаете. Вот я и рекомендую вам узнать быстрее, что такое фундамент в условиях вечной мерзлоты.

Забавников часто упоминал вечную мерзлоту, говорил о ней либо с негодованием, либо с оттенком восхищения, но всегда уважительно, как об одушевленном предмете. Когда привалили болышну на узловой станции, профессор вспомнил о заспорившем с ним молодом человеке и велел его позвать. Он дождался Дубровина, сядя на табурет посреди большой палаты, где все — и стены и пол — бел-

стело. Здание, пронизанное светом, радовало новизной, заломом дерева, яркостью краски.

— Здравствуй, молодой скентик, — с улыбкой встретил профессор Володю. — Правда, хорошая болышня будет для железнодорожников?

— Правда, — согласился Володя, оглядевшись.

— Теперь присмотритесь внимательно, взгляните на пол — он чуть покаты и попробуйте оторвать дверь. Видите, она открывается с трудом. Знаете, что здесь случится через год?

— Да ничего не случится, кроме того, что сюда будут приходить болышны, а уходить железнодорожники, с некоторыми, конечно, исключениями.

— Я не про болышны — про болышну. Покатость пола будет увеличиваться с каждым днем, и через год, может быть, через два вы не откроете здесь ни одной двери, ни одного окна. На ту сторону здания стены давят силы пучения.

— Силы пучения? Что это за пучение? Очень смешное слово!

— Смешное? Ну уж не знаю, чем смешнее! Оно означает увеличение объема грунта, вызванное расширением замерзавшей воды. Внизу лежит неземляная жесткая глина — толща мерзлоты, — поэтому промерзающий грунт движется кверху. Понимаете?

Володя покачал головой и стонем, не желая слова вступать в спор. Главный инженер уже упрямил его за ремкость в разговоре с профессором, и Дубровин решил попросту избежать его. Но так вышло, что они встретились еще раз в эти дни первого знакомства. Комиссия ехала в поездке из дальнего лачно магистралей; молодой и старый инженеры оказались в одном вагоне. Они стояли у окна, наблюдали за мельканием бесконечных пейзажей. Спутники их либо спали, либо играли в карты и domino.

— Вам скучно? — спросил старик. — Почему вы не поддерживаете компанию и преферанс?

— Я не люблю преферанс. Это не очень умный способ уничтожать время. В преферанс играют люди, которым не жаль времени и которые скучно бывают сами с собой.

— А вам не скучно с самим собой?

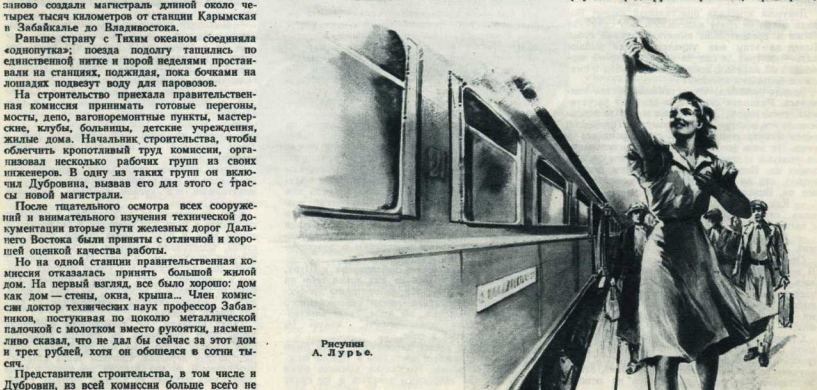
— Нет. Я с удовольствием смотрю на лес, на сопки, размышляю. В работе никогда не хватает времени на размышления о том, что видишь вокруг, что, собственно, не относится к самой работе.

Профессору чем-то понравился ответ. Шатались от бросков вагона, он подошел к Дубровину поближе.

— Вы правы. Я тоже не понимаю преферанс. Интересно узнать, о чем вы размышляете?

— О размерах нашей страны. Вспомните путь из Москвы сюда и всю суму картин природы: среднеуровневая равнина, горы Урала,

Рисунок
А. Лурье.

и сибирские поля и дуга, крутые берега сурового Байкала. И вот теперь буйная тайга и мохнатые сопки. На месте какого-нибудь хутора в зарослях ели и сосны, среди кедров, жай, выставля в ряд и напалас: путешествие из Москвы во Владивосток. Каждый шаг почувствовал бы простор!

Он беседовал, не замечая ритмичного переставления. Просторилеи мот. Забавников выстул из окна, поглядывая назад.

— Мостик-то на этом километре еще даст хлопот! Оба устоя приподнять... Возьму на карандаш.

— Вечная мерзлота? — спросил, улыбаясь.

— Да, а, вечная мерзлота, можете не иронизировать. Вы еще мне вспоминаете, когда она вам отомстил за легкомысленно к ней отнесте. А когда это случается, приезжайте ко мне на дачку.

— До вас далеко, а я не намерен уезжать с Дальнего Востока.

Володя так ответил, полагая, что профессор, как и все члены правительственной комиссии, приехал из Москвы. Слова эти хотя и были не совсем правдоподобными, попытался полную заинтересованность в пресловутой вечной мерзлоте. Забавников повернулся к окну с разозленным видом и сказал:

— Уезжать с Дальнего Востока ня к чему. Я здесь работаю здесь.

Поезд подошел к станции. Забавников снова вынулся из окна и стал смотреть вперед.

Лицо его просияло, он кому-то помахал рукой. Как раз на этой станции мой дом, моя лаборатория и все самое родное — снова привлекло взгляд Сергея Кузьмича Дубровина и, помахав рукой кому-то в окно, пошел к выходу.

Володя видел из окна, как старик распевалясь с немывой девушкой в белом платье. Едва сошел со ступенек, девушка оставила прыгнула ему на шею. Девушке, видимо, пришлось быстро идти — лицо ее раскраснелось. Она обмахивалась широкополым соломенным шляпой и оживленно рассказывала что-то Сергею Кузьмичу. Забавников злобно смотрел на них и улыбался.

Володя не был интереса наблюдал за ними, вернее, за ней. Неожиданное появление девушки безотчетно вызвало его. Впрочем, он находился в том возрасте, когда девушка, оставив прыгнула ему на шею, девушка, видимо, пришлось быстро идти — лицо ее раскраснелось. Она обмахивалась широкополым соломенным шляпой и оживленно рассказывала что-то Сергею Кузьмичу. Забавников злобно смотрел на них и улыбался.

Володя не был интереса наблюдал за ними, вернее, за ней. Неожиданное появление девушки безотчетно вызвало его. Впрочем, он находился в том возрасте, когда девушка, оставив прыгнула ему на шею, девушка, видимо, пришлось быстро идти — лицо ее раскраснелось. Она обмахивалась широкополым соломенным шляпой и оживленно рассказывала что-то Сергею Кузьмичу. Забавников злобно смотрел на них и улыбался.

Володя пожелал, что остановка быстро кончилась. Раздался гудок, и девушка, оставив прыгнула ему на шею, девушка, видимо, пришлось быстро идти — лицо ее раскраснелось. Она обмахивалась широкополым соломенным шляпой и оживленно рассказывала что-то Сергею Кузьмичу. Забавников злобно смотрел на них и улыбался.

Володя пожелал, что остановка быстро кончилась. Раздался гудок, и девушка, оставив прыгнула ему на шею, девушка, видимо, пришлось быстро идти — лицо ее раскраснелось. Она обмахивалась широкополым соломенным шляпой и оживленно рассказывала что-то Сергею Кузьмичу. Забавников злобно смотрел на них и улыбался.

Володя пожелал, что остановка быстро кончилась. Раздался гудок, и девушка, оставив прыгнула ему на шею, девушка, видимо, пришлось быстро идти — лицо ее раскраснелось. Она обмахивалась широкополым соломенным шляпой и оживленно рассказывала что-то Сергею Кузьмичу. Забавников злобно смотрел на них и улыбался.

Володя пожелал, что остановка быстро кончилась. Раздался гудок, и девушка, оставив прыгнула ему на шею, девушка, видимо, пришлось быстро идти — лицо ее раскраснелось. Она обмахивалась широкополым соломенным шляпой и оживленно рассказывала что-то Сергею Кузьмичу. Забавников злобно смотрел на них и улыбался.

Володя пожелал, что остановка быстро кончилась. Раздался гудок, и девушка, оставив прыгнула ему на шею, девушка, видимо, пришлось быстро идти — лицо ее раскраснелось. Она обмахивалась широкополым соломенным шляпой и оживленно рассказывала что-то Сергею Кузьмичу. Забавников злобно смотрел на них и улыбался.

ние, чтобы сразу пройти мимо, а какие-нибудь совсем ненужные и просто даже агонисты — сопровождают вас долгие годы, иногда всю жизнь.

— Вот она какая, Шуручка моя, видела? — восторженно спросил Забавников.

Володя кивнул ему головой, будто и в самом деле ему было ясно, что хотел сказать Сергей Кузьмич.

НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАЙГЕ

Так бывает: время стремительно тащит тебя вперед, почти не давая опомниться, подумать, оглянуться, а воспоминания, почему-либо нагрянувшие вдруг, уводят назад, в прошлое. И ты сидишь в странном оцепенении, не в силах пошевелиться, и ощущаешь, как горит и поет закосовавшее сердце.

— Воспоминания уводили в прошлое... Новая встреча Володи Дубровина с Забавниковым и его дочерью произошла при необычайных, почти невероятных обстоятельствах.

Володя в Восток способный и энергичный человек быстро выдвигается. Молодой инженер Дубровин очень скоро стал руководителем крупного строительства. Как-то, получив письмо от друзей из города, которые спрашивали ему тогда, куда он улетел, он ответил: «Нет, Володя, перелет взгляды от письма к очередной деловой бумаге и умахуляжи: от него в эту минуту требовалась подпись под сметой в полтора десятка миллионов рублей». Таковы были масштабы дела, ему порученного. «Нет, милый мой, мне здесь не кололо торчать!» — ответил он мысленно, отложив письмо в сторону и тут же забегав про него.

Летом 1940 года Дубровина вызвал к себе начальник управления. Они встречались не часто. Как-то раз Володя узнался, что Кольцов следит за ним и за его участком и все о нем знает. Начальник принял его сразу же после многочасового совещания. В кабинете было нестерпимо жарко от солнца, лопившиеся в шпалерном окне. Кольцов встретил Володю приветливо, внимательно оглядел со всех сторон и остался доволен.

— Какой здоровый и веселый, никакие выговоры на него не действуют! — Начальник надел на разное, учинивший же Дубровина в один из своих недавних прикходов. — Ты еще не женился, добрый молодец? Смотри, не забудь позвать на свадьбу! — я ведь тебе врозь крестного отца прихожу. Значит, поручаю это дело тебе. Ты должен быть восторженно благодарен обратился с этим вопросом. Виденному здесь же главному инженеру строительству Пачкину — седьмому, румяному, аккуратному старичку.

Главный инженер — коротко и очень отчетливо рассказал о новом задании, которое возлагал на Дубровина — наблюдение за строительством большого количества каменных зданий на разных участках трассы будущей магистрали.

— Если собрать все эти дома в одно место, — получил бы большой город. И потому областному центру — с удовольствием сказал Кольцов. Он любил такого рода сравнения, они помогали подчеркнуть масштабы дела и ответственность задания. — Так что будьте участливыми в строительстве целого города, чувствуйте!

— Я хочу предупредить вас, — взглянув на Володю, деловито и сухо сказал главный инженер. — Почти все эти здания придется соорудить в районах вечной мерзлоты, а типовый проект вовсе не учитывает... Советую вам съездить к Забавникову и вместе с ним обдумать конструкцию новых домов. У него там есть постройки на свайных фундаментах, возведенные в районах вечной мерзлоты, своим фундаментами на сваях. — Он скупно улыбнулся Кольцову: — Как видите, я не устаю напоминать нашим молодым инженерам о драгоценном опыте Сергея Кузьмича.

В тот же день Володя и Забавников и Шура, однако по пути к ним не раз ловила себя на мысли о ней. Поездка в лабораторию профессора явно перерасстала рамки обыкновенного служебного задания, об этом свидетельствовало и личное признание, какую он немаленько отметил в себе.

Он не сразу нашел лабораторию: она была удалена от станции и пряталась в ущелье между двумя сопками. Несколько домовик был здесь как бы забросаны земляной и не сразу

различался среди деревьев. Володя с волнением открыл калитку в этот неожиданный в сопках приток, как видно, полый мира и тишины. Едва шагнул в калитку, как услышал: Шура на месте не оказалась. Володя онемел отгорился. Разговорившиеся с ним сотрудники лаборатории, женщина и мужчина, приняли его за родственника профессора — так сильно расстроились инженер. Они объяснили: два дня назад Забавников с дочерью и еще с одним сотрудником уехали в тайгу.

Ожиливание, внесенное было появлением Дубровина в лабораторию, улетело, все вернулось к своему обычному течению. Высокотехнологичный инженер Наумов в сером халате с засученными рукавами, выяснил, кто такой Дубровин и зачем он прибыл, ушел. За ним убежал его пест Топя. Рослая черноволосая лаборантка лет тридцати разговаривала с Дубровиным о новейших аналитических весах. Из ее слов инженер понял, что без профессора нет никакого смысла заниматься делом, которое привело его в лабораторию.

— Подождите Сергея Кузьмича, погостите у нас, отдохните — предложил он.

Чуть погодя, женщина развлекла приезжего беседой. Когда Володя сказал, что он совсем чужой профессору и почти его не знает, она стала развлекать. Володя тут же представил профессору ее дочеру. Володя слушал с интересом. Сергей Кузьмич — добрый и хороший человек, только безумно требовательный и раздражительный, рассказывала женщина. Шура недавно окончила институт и теперь работает в институте. Она может отгу. Она девушка способная и нехлопая, но слишком уж жеманнодестая. Сергея Кузьмича жалко, по существу, он совершенно одинокий человек, жены у него нет; нет виднаться назад проходила катастрофа и она погибла в тайге от грустной выжестели. Их назвал сам Забавников уже мертвыми. А Шура — не родная, приемная дочь Сергея Кузьмича, ее родители — друзья Сергея Кузьмича — погибли в той же издательской экспедиции. Она была красавица, красивая, маленькая девочка и считает его родным отцом: правду он от нее скрывает.

Володя подошел вокруг лаборатории, вышел на стацию, хотел попросить рекомендацию главного инженера, учинивший же Дубровина в один из своих недавних прикходов. — Ты еще не женился, добрый молодец? Смотри, не забудь позвать на свадьбу! — я ведь тебе врозь крестного отца прихожу. Значит, поручаю это дело тебе. Ты должен быть восторженно благодарен обратился с этим вопросом. Виденному здесь же главному инженеру строительству Пачкину — седьмому, румяному, аккуратному старичку.

— Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов.

— Да я сейчас же и пойду, что здесь без толку окочалничивать! — возразил Володя.

— Как хотите, — пожал плечами Наумов, внимательно оглядев рослую фигуру молодого человека. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов.

— Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов.

— Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов.

— Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов.

— Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов. — Выходите парные, на рассвете, — посоветовал Наумов.

ким криком поднялся над рекой утки. По берегу бежала, выскывая что-то в траве, черная тряскула.

На другом берегу Дубровин увидел стадо кабанов и замер. Они мирно копались в земле, их heads вставали из-под снежных малядных глазом. Вдруг зароква, они умялись в чащу. Топя лаял во влоноку. Один раз из чащи фосфорически блеснули чьи-то глаза, нес испуганно кинулся Володя под ноги, и безоружный инженер растерялся. Он долго стоял, не шевельлся, готовый ко всему, но зверь больше не показывался. Успокоившись, Дубровин продолжал путь.

Встречи с жителями тайги происходили на каждом шагу. Это держало Володю в напряжении. Заросли были густые, а любую минуту из них мог выскочить какой-нибудь опасный хищный зверь.

Скоре Дубровин пожалел, что не поспешил Наумова и не заночевал в лаборатории. Быстро надвигались сумерки. В верхушках деревьев неподвижно разложились σκοло-то заката, и в лесу просветлело, потом солнце потухло, и, хотя небо оставалось светлоселезным и во множестве сияло маленькими лампочками звезд, в тайге стало темно.

Путник спустился к самой реке. В образовавшемся над ней коридоре, между двумя стенами деревьев, было светлее, но слабо мерцавшей воды. Однако возле самой реки идти было невозможно, приходилось то и дело отступать. Скоро Дубровин захватил полная темнота. Все то, что он до этого различал и обходил, теперь враждебно устремилось к нему навстречу. Со всех сторон лесня шумя и позуаче растения, шелестя за одеждой, сорвали с него кепку. Володя напряженно вслушивался в каждый шорох, преувеличивая его значение.

В довершение всех исприятностей на Дубровина навалились комары. Они лезли в рот, в нос, в глаза; возмущались сотнями ита в кожу лица, рог, нос, шею, ала, а в локо-обязал шею и подбородок, но это не помогало, — ежесекундно приходилось целыми горстями снимать со аба и шек линкую кашку гнус.

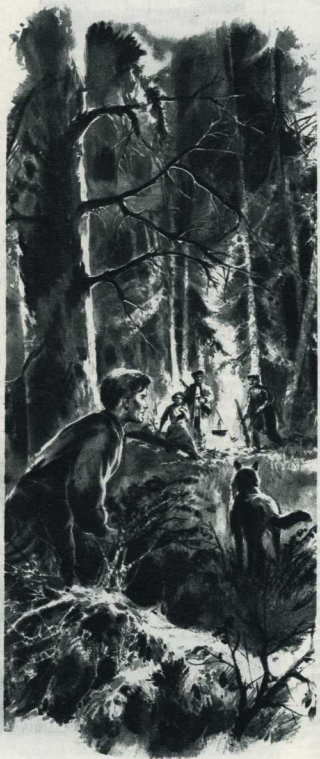
Дубровин уже не ориентировался, сколько времени он идет, далеко ли зашел, только ему казалось, что он еще не достиг поворота, о котором говорил Наумов. Пробираясь наощупь, путник попал в бурелом, из которого, казалось, невозможно было выбраться, и тут Дубровин почувал о при-е и о костре. Спичка помогла ему увидеть опрокинутые крест-накрест деревья, развороченные корни и чащобу кустарника. Рядом стоял лес, с доверием и любознательством взиравший на спутника мокрями, блестящими глазами. Заметив поваленную березу, Володя уже наощупь оторвал кусок бересты, свернул ее в трубку и зажег. При неверном, прыгающем свете факела он выбирался из бурелома, по упал, перелезая через нагромождения, перелетанные аланами, факел погас. Снова наступила асидная тьма, где-то неподалеку послышался сильный треск и ожесточенный лай собак. Володе казалось, он слышит дыхание и видит сверкающие глаза зверя. Володя метнулся в сторону, побежал, сталкиваясь с препятствиями, и свалился с обрывистого берега в реку.

Окунувшись с головой в холодную воду, Дубровин тут же вынырнул. Его несло быстрым потоком. Несколько минут он плавал, отдавшись реке, стараясь подальше уйти от опасного места. Досада на самого себя хлопотала в нем, он подумал: «Ты можешь быть очень умным, семи пидей во абу, можешь окончить да институт, хорионизать, что и как называется в природе, но при всем этом оказаться беспомощным котенком, если не умеешь жить в этой природе».

Надо было выбираться из холодного потока. Пригнув к берегу, Володя наткнулся на большие сучья, нависавшие над водой, которые кабырбас, отпрякнулся, и снова на него набросились комары, они будто поджидали его именно в этом месте, и моментально нырели в рот, в нос, в глаза. В навалении комаров он ухмыльнулся и, вперевозе, заступая от холода. То и дело стирая с мокрого лоба комаров, налипавших буквально слоями, молодой

инженер попытался развести костер, но не смог: спички намочили.

Помынув недобрый словом Наумова, по рассказу которого получалось, что найти профессора в тайге — сущий пустяк, Дубровин подумал и продолжал путешествие. Теперь с ним не было и собаки, потерявшей ее о момент падения в реку. Неожиданно сзади послышался треск сучьев и чей-то хвип. Володя повер-

нулся лицом к опасности, выхватил нож. Сердце его стучало на весь лес. Он выткнул руку с ножом в темноту и дико закричал: кто-то молниеносно прыгнуло на него, как ему показалось, с дерева. Ямисто схватил зверя за шерсть, Володя замкнулся ножом, но не ударил — зверь заскулил, и Володя понял, что это Топя выражает ему свою радость. Пес рывался куда-то. Незадолгий путник решил следовать за собакой и тут же вытиснул ее из рук. Но скоро Володя почувствовал прикосновение ее морды к руке, напугал ошейник и уже старался не отступать.

Река, чуть мерцавшая рядом, делала поворот налево. «Нетля!» — догадался Володя и повеселел, он был уверен: найдет профессора. Мокрая одежда и даже комары показались ему теперь больше терпимыми. Он медленно пробирался вперед, пока совершенно не выскочил из леса. Тогда он присел на корягу отдохнуть. Ноги бжезлы от ушибов, все тело зудело, голова стала тяжелой, глаза закрывались. Он задремал. Собака расположилась в ногах и положила теплую голову ему на колени, прямо на свет.

Володя сразу же приснилось, будто он видит свет в тайге. С усилением отрыв веки, он тарашился в темноту, и ему казалось, что не от холода и сырости, а от этой темноты дрожая все его тело. Чтобы согреться, он привычно прыгнул на место. Ворот Володя опять увидел свет между деревьями и решил, что это кажется ему от усталости. Но огонь зашился около и опять. Усталость и дремота разом исчезли, он направился прямо на свет.

Через несколько минут Дубровин отчетливо видел великого костер и три фигуры возле него. Володя решил пригласить свачале — мало ли чего встретишь в тайге? Но пес не стал жадить и с ала вынулся к костру. Навстречу выбежала другая собака. Два человека в котур асчиряли, в руках у них были ружья.

— Кто идет? — поспылился резкий и громкой голос.

— Самой Я и вам, товарищ Забавников, не беспокойтесь, — отвечал Володя, приближаясь к костру.

Настороженность, с какой хозяева котра встретили появившегося из тьмы человека, сменилась приветливостью и радушем.

— Очень рады, очень! Садитесь к огню, сушитесь, приводите себя в порядок... Ба! Да это же ям в прошлом году спорил со мной, когда я по поводу вечной мерзлоты все выиспал.

— И — приснился Володя. — Как видите, пришел на вычку.

— Голубчик! Это очень приятно. Широчка, — обратился Забавников к дочери, — ночной-то гость, оказывается, — старый мой знакомый. Я его в прошлом году в сотруди-ники вербовал, а он выскел старика и отказался.

Шура ничего не ответила, только глаза ее, смеющиеся в огонь, на мгн блеснули в сторону Володы.

— И я все знаю, верно, встречал один раз и запомнил, — сказал ей Володя.

— У вас, значит, хорошая память. Я вас почему-то не запомнил, — ответила девушка.

По ее взгляду и по тому, что она не спросила, где именно встречал ее Володя, инженер понял: она также не забыла их встречу, однако не считает нужным о ней вспоминать.

Спустя пятнадцать минут Володя сидел у котра, причесанный и умытый, и юмористически повествовал о своих приключениях. Из мокрой его одежды поднимались пар, телу было тепло и приятно.

— Ты питайся вон. Шибко, ноги, проголодался? — говорил сотрудиик профессора коренастый, ширококислый Фетисов, протягивая Дубровину сразу два котелка с горячей кашей. — Тут рыба и мясо колячье, все охотничьи ала.

Профессор хитрово, как-то снизу вверх посмотрев на Володю, спросил:

— Наверное, ругаете меня? Мол, из-за иет, старого черта, попал в передыжку? Теперь и не потянет в тайгу, а?

— Почему не потянет? — добродушно возразил Володя. — Я строитель, и не мне искать удобства в таких местах. Из сегодняшнего приключения извлеку урок: надо привыкать к тайге, становиться в ней своим человеком, вот так как вы. Теперь в лаборатор, буду работать, не стараться чаще заходить в тайгу, причем один... Он помолчал и улыбнулся: — Только уж с умом и с ружьишком.

На другой день Дубровин, профессор и его дочь вернулись в лабораторию. Продолжать работу в тайге остался Фетисов.

(Окончание следует).

Фото В. Гребнева.

НА СТАДИОНЫ И КАТКИ, МОЛОДЕЖЬ!

В. ПОПОВ,

зам. зав. отделом физкультуры и спорта ЦК ВЛКСМ

Спортивная жизнь в прошедшем 1954 году была особенно богата отрядными событиями. Год начался с блестящих побед наших конькобежцев, учившихся за собой славу сильнейших в мире. Лыжники и хоккеисты впервые завоевали лауры мировых чемпионов. Порадовали своими успехами гребцы и прыгуны в воду, легкоатлеты и борцы. Советские штангисты удостоились золотых медалей чемпионов мира и Европы. Славное восхождение на вершину Эвереста совершили на перевале мира стрелки.

Спортивный год был интересен не только многочисленными победами в международных встречах, всевозможными, европейскими и мировыми рекордами, которые подарили Родине молодые спортсмены. В 1954 году благодаря новым массово-спортивным мероприятиям десятки тысяч юношей и девушек впервые вышли на беговые дорожки, волейбольные и баскетбольные площадки, на футбольные поля.

В начале прошлого лета ЦК ВЛКСМ по инициативе комсомольских организаций принял постановление о проведении первых летних городских молодежных спортивных игр. Это новое дело увлекло комсомольцев.

Во многих городах страны летние молодежные спортивные игры прошли с большим успехом. Уже первый этап игр привлек много участников. Только на одном машиностроительном заводе имени Ильича в городе Жданове в соревнованиях участвовало свыше двух с половиной тысяч молодых рабочих. Здесь оспаривали первенство двадцать четыре футбольные и тридцать волейбольных команд. По разобранной легкоатлетической программе выступили 600 человек, а в плавании приняли участие 350 спортсменов.

Еще больших успехов добились комсомольцы завода «Азовсталь». Они так сумели заинтересовать молодежь, что в соревнованиях участвовало 3 тысячи человек.

На Куйбышевском заводе имени Сталина состязались в играх 22 футбольные и 26 волейбольные команды, а на предприятиях Красногвардейского района города Днепропетровск — свыше 7 тысяч молодых рабочих.

Успех первого этапа спортивных игр на многих предприятиях страны показал, как близко нашей молодежи это дело, насколько оно отвечает стремлениям и интересам юношей и девушек. Можно не сомневаться в том, что именно здесь, на заводских стадионах и площадках, вырастут сотни и тысячи молодых талантливых спортсменов, которые принесут новую славу советскому спорту.

Как большие спортивные праздники, прошли финалы летних молодежных спортивных игр во многих городах, в том числе и на центральном стадионе «Динамо» в Москве.

В прошедшем спортивном году были осуществлены и другие виды массовых спортивных соревнований. Некоторые областные и городские комитеты комсомола провели фестивали молодежи, в программу которых наряду с выступлениями молодых артистов, коллективов художественной самодеятельности включались и спортивные состязания. Такие молодежные фестивали прошли в Новосибирске, Грозном, Бугороде.

Во многих городах по инициативе комсомольских комитетов были организованы массовые соревнования дворовых и уличных футбольных команд. На одесском стадионе «Ильичевцы» дворовые и уличные команды в течение всего лета соревновались по футболу, волейболу, баскетболу и легкой атлетике.

Без массовости, без настойчивости и кропотливой работы по выявлению новых сил невозможно успехи нашего большого спорта. Массовость при высокой культуре проведения соревнований — основа наших спортивных успехов.

ЦК ВЛКСМ принял постановление о проведении с ноября по март зимних молодежных спортивных игр. В отличие от летних игр они проводятся не только в городах, но и в селах.

Соревнования будут проходить в три этапа. Первый этап должен быть самым массовым. На крупных предприятиях, в учебных заведениях, колхозах, МТС, совхозах молодежные спортивные игры начнутся соревнованиями на лучшее лыжное конькобежное, стрельб, штенгиста, шахматиста. Что касается молодых спортсменов, работающих в небольших коллективах, которые не смогут выставить команды на районные соревнования, то им предоставляется право выступать на личном первенстве в соревнованиях второго этапа.

Программа зимних спортивных игр молодежи включает в себя тринадцать видов спорта.

Соревнования будут проходить в районах с с/х зимой по лыжам, конькам, гимнастике, поднятию тяжести, стрельбному спорту (обязательные виды) и горнолыжному спорту, хоккею с мячом и с шайбой, волейболу, баскетболу, настольному теннису, шахматам и шашкам (по выбору). В районах с бесс/х зимой зима ой: по гимнастике, поднятию тяжести, кроссу, стрельбе (обязательные виды), пешему переходу, волейболу, баскетболу, настольному теннису, шахматам и шашкам (по выбору).

Зимние молодежные спортивные игры должны стать самыми массовыми спортивными соревнованиями сезона. Во время их проведения тысячи юношей и девушек будут сдавать нормы нового комплекса ГТО, который вступает в действие с 1 января 1955 года.

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО СПОРТА

«СЛАВЯНСКОЕ ЧУДО».

Знаменитый русский конькобежец Платон Игитколов в 1948 году в двух экземплярах победил в СССР.
«Это было 25 лет назад... Русские конькобежцы были приглашены выступить в четырех международных турнирах: в Хамаре, Стокгольме, Осло и Гротинге.

Границу между Швецией и Норвегией мы пересекли в глубокой ночью. Нам разбудил монотонный голос таинственного чиновника, мы протиснулись сквозь пелену тумана с изменчивым выражением лица. Норвежский судья в белом пальто преобразился, когда узнал, что мы русские конькобежцы. И первым, и самым угрюмым из нас, заморозился о зарыве Струминова.
Прошло уже 12 лет, как московский чертушник Николай Струминов выступил на норвежских катках. И все же этот человек остается Струминовым...»

Как же изобрел себе такую популярность скромный московский студент Николай Струминов?

В 1900 году московский Николай Седов стал чемпионом мира. В начале следующего сезона в одном из соревнований он бежал с другим спортсменом дистанцию 2 тысячи метров. Студент из Москвы, в составе группы, Седов бежал увереннее, чем призванный олимпийец. Однако за два круга до финиша один из его противников, совсем иной спортсмен, сбавил шаг и обошел чемпионом. Как ни старался Седов завоевать второе место, но не удалось. Первым был 18-летний московский чертушник Николай Струминов.

Это было, по существу, началом карьеры, во впечатлительной короткой биографии выдающегося русского спорщика. Уже в последующие годы он завоевал звание чемпиона России, которое удерживал за собой три года.

С огромным успехом проходили выступления Струминова на катках Выборга и Гельсингфорса, где он побеждал лучшего чемпиона мира норвежца Ослода Маттисена. В 1911 году Струминов принял участие в трех международных соревнованиях в Норвегии, в том числе в первенстве Европы и мира. Русский спорщик выиграл все три встречи, не проиграв ни одной из двенадцати дистанций. Завоевал он личный и мировой рекорд гонимца. Звезда на дистанцию 5 тысяч метров, который выдерживал 17 лет и считался недостижимым.

Струминов добился невиданного успеха: он дважды завоевал золотые медали чемпионов мира и Европы. С. Сидоровичев и Г. Успенский назвали его «славянским чудом».

В условиях царского режима традиция спонсорства со стороны промышленников и купцов в отношении талантливого человека. В 1912 году он оказался в руках одного из таких беззастенчивых пристрастия по мнению. Но на поездку чемпиону мира не хватало ста рублей, чтобы оплатить расходы на представление в Осло.

И Струминов и Г. Успенский, считавшие, что он бросил заниматься спортом, хотя был в расцвете своего спортивного таланта. Еще во время выступлений Струминова в городских русских льдах учредили в честь его приза. Этот спортивный трофей выигрывали в разные годы Г. Успенский, И. Найденов, братья В. и П. Игитколовы. После окончания первой мировой войны в Москве также учредили приза имени Н. Струминова. Его завоевали достойные спортсмены славы федерального русского происхождения: Владимир Прощин, Юрий Голосенко и другие.

Вспомогательный трофей имени спортивного трофея завоевал предводитель Советского Армии молодой конькобежец А. Агалов.

В. МАРЬЯНОВСКИЙ

ДЕРЗАНИЕ

Борис Шилков шел одной из центральных улиц Архангельска — проспектом Бинотрадова. Все ему было близко и знакомо в родном городе, где он не был уже несколько лет. Слева, над Северной Двиной, виднелся городской театр, чуть дальше — почта, мещинский двор, а вот за изгоном улицы, среди зеленых переулков, и стадион «Динамо».

Это место для Бориса Шилкова было особенно дорогим. Здесь он, в прошлом студент техникума, впервые встал на беговые коньки, одержал первые победы. И теперь, вернувшись в родной город чемпионом мира, Европы и СССР, он, конечно, прежде всего пришел на стадион.

На ляду, как и раньше, с самого края, осторожно, стараясь не упасть, катались начинающие конькобежцы. Те, кто постарше, бегали, заложив руки за спину, низко пригнувшись. Борис думался: он тоже когда-то начинал, как эти ребята. И ему показалось, что было это совсем недавно, хотя прошло уже более пяти лет...

Из Архангельска Борис Шилков уехал тогда в Ленинград, где начал работать техником в конструкторском бюро Кировского завода. С порученным делом молодой специалист справлялся хорошо. После работы он обычно шел на стадион. Там проводил большую часть своего свободного времени, там подружился с тренером Александром Семеновичем Калининным.

В прошлом сам неплохой конькобежец, Александр Семенович давно уже задумывался над улучшением техники бега.

До сих пор большинство скоростных все движения во время бега, особенно толчки, стремились выполнять плавно. К следующему движению они переходили лишь после того, как полностью было закончено предыдущее. При такой технике бега терялись драгоценные доли секунды. Чтобы избежать потерь времени и скорости, Александр Семенович считал целесообразным следующее движение начинать на какое-то мгновение раньше обычного.

Тренер поделился своим замыслом с Борисом Шилковым и на первой же тренировке увидел, что не ошибся в выборе ученика.

Правда, молодому конькобежцу долго не удавалось уловить момент толчка, хотя теоретически он хорошо представлял себе, что нужно делать. Как только Борис выходил на лед, все получалось не так. Он начинал толчок too слишком рано, too слишком поздно и сбивался на старую манеру бега.

Шилков вновь и вновь скользил по льду, стараясь уловить темп нового движения. Он выполнял все команды тренера:

— Толчок влево, толчок вправо. Вот так. Раз, два...

Но как только тренер переставал считать, Борис сбивался. Неудачи огорчали его, но он не терял уверенности в том, что добьется своего. Напрягая волю, молодой конькобежец упорно начинал все сначала.

Наконец, цель, к которой он так горячо стремился, достигнута. Шилков победил по-новому. Он это почувствовал по той легкости, которая появилась в бегах. Через некоторое время тренерам-рядным уже показывал время, близкое к норме мастера спорта. Но Шилкову не хватало опыта... Об этом свидетельствовал его дефицит в перенесте СССР: он оказался на... двадцать первом месте. На этих соревнованиях Шилков впервые встретил молодого скоростного Олега Гончаренко, который вообще вошел только в шестую десятку. Кто мог тогда подумать, что они оба вскоре окажутся первыми в списке лучших скоростных мира и, оспаривая друг друга победу, принесут новую славу советскому спорту!

На следующий год любители спорта увидели Шилкова в соревнованиях на высочайшем катке Мельце, близ Алама-Аты. Малоизвестный спортсмен выдвинулся среди опытных скоростных легкостью бега. Ему удалось установить всесезонный рекорд и повторить мировой рекорд в бегах на труднейшую дистанцию — 1500 метров.

Но на соревнованиях мало выиграть один забег. Спортсмен должен успешно выступить и в самой короткой — пятистаковой — и самой длинной — десятикилометровой — дистанциях. Это нелегко сделать. На короткой дистанции все силы нужно израсходовать мгновенно, а на длинной, в конькобежном марафоне, нужно силы тратить не сразу, а постепенно равными долями. Этого умения как раз и не хватало Шилкову.

Он упорно учился правильно строить бег на различных дистанциях. Постепенно у него выработалось то, что спортсмены называют «чувством скорости».

В новом сезоне Шилков завоевал звание чемпиона Советского Союза. Спустил немного времени, впервые выступая за границы в соревнованиях на первенство мира, он занял второе место, пропустив вперед лишь Олега Гончаренко. Это был большой успех. Секрет его заключался в том, что Шилков в кобне концов

научился правильно распределять силы на любой дистанции.

Лето прошло в напряженном труде. Соревнования отрывали Шилкова от учебы в институте. Многие приходилось нагонять. Тут добрую услугу юные опять оказало его завидное упорство, трудолюбие. В короткий срок он ликвидировал все «слабости», в зачетной книжке появились хорошие оценки. Но даже во время каникул Борис не переставал тренироваться, занимался прыжками, греблей.

Новый сезон был особенно богат интересными состязаниями. В течение полутора месяцев советские спортсмены выступали в трех крупных международных соревнованиях. И на первом из них — на подступах почета стога Борис Шилков.

Сколько волнений и тревог пришлось ему пережить во время этих соревнований, где малейшая неудача могла привести к поражению, или ярым бедам прославленные мастера ледной дорожки Норвегии, Швеции, Голландии, Японии... Одни из противников были наиболее опасным — это трехкратный чемпион мира Ямар Андерсен, вернувшийся в норвежскую команду после годичного перерыва. Он снова пришел на ледную дорожку только затем, чтобы вернуть себе звание лучшего конькобежца мира, завоеванное в прошлом году советским скоростным.

Перед первенством мира состоялся встреча команд Норвегии и Советского Союза. Андерсен прилагал все силы, но занял только второе место, уступив первенство Борису Шилкову.

Прошло всего несколько недель, и вот удивительные скоростные встретились на катке «Маруэма ринг», в небольшом японском городе Саппоро, чтобы разыграть очередное первенство мира.

Это соревнование вышло «слонным триумфом русских», как писала зарубежная пресса. И действительно, впервые за всю историю конькобежного спорта спортсмены одной страны завоевали на мировом чемпионате все призовые места и вышли победителями на всех дистанциях. Борис Шилков получил золотую медаль и был увековечен лавровым венком чемпионов.

Андерсен не попал даже в число призеров. Его опередили советские конькобежцы Олег Гончаренко и Евгений Гришин.

Когда соревнования закончились, норвежские конькобежцы Андерсен и Мартинсен на руках вынесли со стадиона нового чемпиона мира. Это была дань уважения лучшему скоростному мира. А через месяц Борис Шилков вновь встретился с Ямаром Андерсеном. На этот раз на шведском высочайшем катке в Лавоссе, где разыгрывалось первенство Европы. Норвежец стремился взять реванш. Но Борис Шилков и здесь блеснул мастерством, вновь завоевал золотую медаль, став чемпионом Европы.

Вновь был пройден круг почта. И, как в Саппоро, победителя вынесли со стадиона на руках, ослепленные спортсмены — норвежцы Андерсен и швед Эрикссон. «Непобедимый» Андерсен второй раз нес на руках советского спортсмена! Это не было унижением для прославленного скоростного: мастерство Шилкова признавали даже те, кто всего несколько лет назад весьма скептически относился к первым успехам советских конькобежцев. Вот что писал после соревнований в Лавоссе известный норвежский конькобежец Фарстад: «Шилков вынесл свое имя в историю конькобежного спорта — так основательно, что останется в ней как один из наиболее выдающихся скоростных всех времен».

Борис Шилков вскоре подтвердил эту высокую оценку. В острой борьбе на первенство СССР он завоевал еще одну почетную награду — золотую медаль. Это была третья по счету золотая медаль, полученная им в течение одной зимы...

Обо всем этом не мог не вспомнить Борис Шилков, приехав в родной Архангельск. Ведь именно здесь он добился своих первых успехов на ледной дорожке. Сюда он пришел с мечтой о новых, еще более высоких спортивных достижениях. Ведь в спорте, как и в любом деле, мастерство не знает пределов.

Н. НИКОЛАЕВ

Фото М. Воташева.

В «ЗВЕРИНОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ»

Фото А. Анжанова.

В глубине территории Московского зоопарка есть небольшое светлое здание, которое посетители именуют «Звериной лечебницей». Это ветеринарная поликлиника. Здесь, как и в обычной поликлинике, есть физиотерапевтический и рентгеновский кабинеты, операционная, лаборатория.

Более трех тысяч «пациентов» обитает в зоопарке. Среди них есть представители тропиков, средней полосы, полярных областей. Многие животные нуждаются переносом непрерывный для них московский климат. За здоровьем зверей внимательно следят врачи-ветеринары. Они не только лечат, но и регулярно проводят тщательные профилактические осмотры, заранее ограждая животных от возможных заболеваний.

Известно, что крокодил, живущий на воле, после «обсуда» отдыхает с широко раскрытой пастью. Маленькие птицы садятся к нему и высматривают из зубов остатки пищи. Сверхъестественно позволяя это делать, он словно чувствует, что благодаря живым зубочисткам у него лучше сохраняются зубы.

В зоопарке крокодил находится в террариуме. Там, где нет их, отсутствие не замедлило связаться. С некоторых пор работники зоопарка замечают, что у крокодила испортилось настроение. Он нервничает, потерял аппетит и сон. Врачи внимательно осматривают крокодила, обнаружили испорченный зуб и удалили.

Только вчера появился на свет эта мартышка. Она весит всего 300 граммов. Ее крохотное тельце

свободно умещается на ладони. Как и всех новорожденных зверей в зоопарке, мартышку тщательно осматривают врачи.

Пони — очень выносливые животные, они редко болеют. И этот пони — здоровый. Но на всякий случай врач и его ассистент, рентгенолог Р. А. Жигунова делают рентгеновский снимок грудной клетки животного.

У лис, живущих в вольере, есть дурная привычка — просовывать лапу между решетками клетки. Часто случается, что лапа застревает в решетке. Если своевременно не обратить на это внимание, не помочь зверю освободиться, лапа отпадает себе лапу.

Эта лиса с большим трудом вытнула застрявшую лапу, но порадила себя позаволочить. Прежде чем приступить к лечению, врач делает рентгеновский снимок: позволив лапу лисе.

Лечить зверей нелегко. Но все они свободно подпускают и себе человека. Чтобы лечить животных, надо прежде всего привлечь его. Каждый день обходит своих пациентов молодой ветеринарный врач комсомолец Валерия Загубриченко. Звери любят ласку, и девушка гладит их, кормит с рук.

Зубобриком долгое время всех лечились. Но врачу все же удалось завоевать его доверие. Сейчас врач Валерия Загубриченко уточняет зубобриком бушуй. За этим последует лечебная процедура. В большой глаз зубобриком надо пустить капли.

Страусы — жители жарких стран. Осенью и зимой они легко простуживаются, болеют воспалением легких. Поэтому достаточно страусу «счихнуть» пару раз, как это уже вызывает беспокойство врачей. Страус немедленно осматривают, дают ему лекарство, помещают в теплый угол.

Нат. ТУМАНОВА

СМЕНА В номере:

- И. Кобеев, В. Комиссаров — Свет Конституции. Десятиклассники пришли на завод. Фоточерк.
- В. Кололов — Наш Нирон. Борис Кунаев — Подарок. Стюка.
- В. Ведицко — Подвиг юности. Демьянин Двергавецко — Это и есть Италия!
- Н. Николаева — Графиня нового Китая.
- В. Горохов — Настоящий человек.
- Ибрагим Ибрагимов — Песни друзей. Стюка.
- Василий Агаев — История их любви. Главы из романа.

На первой странице обложки: С чеством выполняет взятые на себя социалистические обязательства старший горновой Магнитогорского металлургического комбината Алексей Вазулев. Пять тысяч тонн высококачественного чугуна сверх плана — таков красноречивый показатель его самоотверженного труда. Фото А. Уздана.

На четвертой странице обложки: Зимний день. Фото А. Бочина.

Формирование номера
В. Урина.
Технический редактор
О. Шрова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРДЫ, НАПЕЧАТАННЫЕ:

В № 18

По горизонтали:
1. Петуши. 3. Зерно. 5. Родина. 7. Почва. 9. Крова. 12. Ипомея. 13. Рецедла. 14. Витина. 15. Ошина. 16. Осина. 18. Мелта. 21. Флора. 22. Налива. 24. Лиана. 25. Баны. 27. Агава. 29. Верба. 33. Юрма. 31. Слива. 32. Амарант. 33. Лаванда.

По вертикали:
1. Почва. 2. Ягода. 3. Зонтик. 4. Опыление.

5. Растение. 6. Нектар. 8. Акация. 9. Калина. 10. Тополь. 11. Герань. 17. Ромашка. 18. Мальва. 19. Аниас. 20. Клубника. 21. Фитинк. 23. Влага. 26. Астры. 28. Ветна.

В № 21

По горизонтали:
1. Пет. 3. Пас. 5. Аут. 7. Юнн. 8. Тур. 9. Мач. 10. Гол. 14. Чьянжюв.

По вертикали:
1. Помост. 2. Тренер. 3. Пещна. 4. Сетна. 5. Ал-

15. Тир. 16. Вокс. 17. Диск. 21. Кроль. 22. Кросс. 25. Форма. 26. Мауэр. 29. Чунгарин. 30. Стяпер. 35. Вольбиленст. 36. Дюва. 38. Самбо. 40. Керес. 41. Уолкс. 45. Вегун. 46. Саломитт. 47. Рубин. 50. Фивинш. 51. Канос. 52. Альпинист.

По вертикали:
1. Помост. 2. Тренер. 3. Пещна. 4. Сетна. 5. Ал-

Главный редактор М. А. Велячко.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-33424.

А 08055

Подписано и печатно 11/ХН 1954 г.

Листа № 3442.

Тираж 120 000 экз.

Над. № 1015

Формат бумаги 70×109/16

1,75 бум. л. — 4,8 печ. д.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

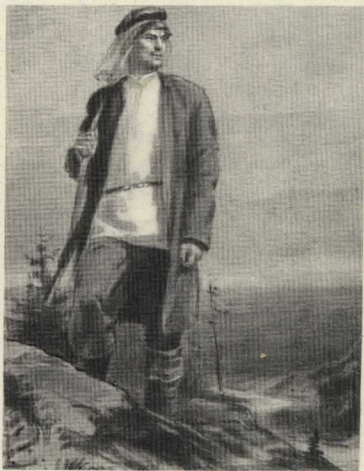
Редакция: В. Ажов, Г. Гутин, Е. Демьянский, Б. Горюх, Н. Жуков, О. Комузов, М. Лукин.

ИЛЛЮСТРАЦИИ
К РОМАНУ ВЯЧ. ШИШКОВА

«УГРЮМ-РЕКА»

Дипломная работа Г. Якутовича.
(Киевский Государственный художественный институт.)

Цена номера
2 руб.

